

НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

СИГНАЛ ТИШИНЫ

MAX GRACE

Макс Грейс

Сигнал Тишины

<https://litres.ru/74621778>

SelfPub; 2026

Аннотация

2247 год. На краю Солнечной системы сеть обсерваторий ловит загадочный радиосигнал с неизменным ритмом, бьющим каждые сорок семь секунд. Он не угасает в пространстве, подстраивается под наблюдателя и пугающе точно совпадает по времени с гибелью исследовательского корабля «Вега-1».

Ксенолингвист Астра Новак уверена: сигнал разумен и дышит. Двенадцать лет назад в бездне пропала её мать, оставив лишь оборванную запись. Получив назначение на борт уникального исследовательского судна «Эхо», Астра вместе с немногочисленным экипажем отправляется к источнику сквозь гиперпространство.

По мере приближения ритм ускоряется, растения в оранжерее перенимают его такт, а бортовой ИИ начинает слышать в помехах адресованный ему голос. В ста восьмидесяти астрономических единицах от дома экипажу предстоит узнать: этот маяк — чужой разум, опасная ловушка или открытая дверь к тем, кого считали навсегда потерянными?

Макс Грейс

Сигнал Тишины

Глава 1. Ритм в пустоте

2247 год. За семь суток до старта экспедиции.

1. Обсерватория

Купол «Селены-7» стоял на внешнем валу Моря Восточ-

ного — там, где Луна навсегда повернута к Земле спиной и три тысячи километров камня глушат любой передатчик. Тишина была главной ценностью обсерватории. Её берегли строже, чем воздух.

Астра Новак сидела в полумраке, положив ладонь на холодное стекло, и считала.

Считать не требовалось: автоматика делала это сама, с точностью, какой у живого мозга не бывает. Но за сто двадцать семь суток она выучила ритм наизусть, как выучивают чужое дыхание, ночуя рядом, и теперь ей было нужно не число, а ощущение. Короткое напряжение в груди — и отпускание. Раз. И снова.

Сорок семь секунд.

Купол пах озоном и перегретой электроникой — так пахнет любое место, где железо думает. На главном экране шла волна: подъём, спад, сорок семь секунд ровной линии, подъём, спад. Вблизи пик оказывался узким пакетом из девяти линий вокруг одной тысячи четырёхсот двадцати мегагерц — частоты, на которой дышит водород и на которой, по расчёту тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, должны кричать все, кто захочет быть услышанным.

Крикнули.

— Двести тридцать четыре тысячи сто восемь, — сказала Астра вслух и не узнала свой голос: за сорок часов она почти не говорила.

Она пересчитала дважды, потому что не поверила первой

выкладке. Двести тридцать четыре тысячи сто восемь периодов подряд, без единого сбоя. Это число она хранила в памяти так, как другие хранят дату смерти.

Сигнал нашли в октябре две тысячи двести сорок шестого сетью «Дальний Слух»: одиннадцать обсерваторий от Луны до орбиты Нептуна, и все одиннадцать дали одно. Источник точечный, в рассеянном диске, сто восемьдесят астрономических единиц от Солнца — там, где кончается посчитанное. Свет оттуда шёл двадцать два с половиной часа.

Дальше начиналось то, из-за чего Объединённое космическое агентство три месяца решало: публиковать данные или засекретить.

Первое: период стабилен до одиннадцатого знака. Ни дрейфа, ни глитчей. Так не бывает даже у атомных часов, которые везут через Солнечную систему: планета дышит, вращается, падает на Солнце и поднимается обратно, и любое честное излучение обязано это отразить. Здесь не отразилось ничего. Источник либо не двигался, либо знал о движении наблюдателя заранее и подстраивался. Второе нравилось Астре больше и пугало сильнее.

Второе: сигнал не слабел с расстоянием. Луна и станция у Нептуна получали одну амплитуду — в пределах двух процентов. У излучения, расходящегося сферой, такой возможности нет. У излучения, нацеленного лично на тебя, есть.

Третье: он начался двенадцать лет назад. Первые всплески приняли тогда за аппаратный мусор и закрыли тикетом.

Ровно столько прошло с дня, когда «Вега-1» перестала отвечать.

Астра сделала то, что делала каждую смену: собрала четыре тысячи двести периодов, вычла идеальную форму и сложила остатки. Так ищут слабое эхо под громким звуком. Остатки должны были размазаться в шум.

Остатки сложились в кривую — крошечную, на четыре порядка ниже основного пика, на грани того, что имело право называться данными. Она поднималась и опускалась медленно и неровно, как дышит во сне живое.

Астра искала совпадения три недели: пульсары, солнечная активность, космические лучи, температура криостата, дыхание станции. Не совпало ничего. А потом она однажды осталась в куполе с медицинским датчиком на запястье — в аппаратной чинили климат — и три часа смотрела на две кривые сразу.

Её пульс был шестьдесят семь. Нижняя кривая шла рядом. Когда она успокаивалась, успокаивалась и кривая.

В официальный отчёт Астра это не внесла. Внесла в личный файл, одной строкой:

«Модуляция коррелирует с физиологией наблюдателя. Предварительно: сигнал дышит».

Дверь купола открылась. Астра не обернулась: на станции было одиннадцать человек, и только один имел привычку входить, предварительно кашлянув.

— Сорок часов, — сказал доктор Сэмюэль Ким. — Я за-

сёк по журналу доступа.

— Сорок два.

— Тем более.

Ким поставил на пульт чашку и сел рядом — тяжело, как садятся люди, прошедшие на ногах весь день и не собирающиеся в этом признаваться. Пятьдесят лет, седые виски, усталые и при этом добрые глаза. На «Селену» он прилетел неделю назад с Земли: медицинская комиссия ОАК, допуск кандидатов к дальним перелётам.

— Это не синтезатор, — сказал он, кивнув на чашку. — Настоящий. Контрабандой через три пересадки. Пей, пока горячий.

— Спасибо.

— Я не из щедрости. Мне по инструкции положено следить, чтобы экипажи не состояли из людей, которые не спят по двое суток.

— Я не экипаж. Я обсерватория.

— Ты кандидат, — мягко сказал Ким. — В списке с марта. Ты держишь медкарту в порядке, иначе бы не держала.

Астра сделала глоток. Кофе пах так, что стало трудно дышать.

— Он сегодня ровнее, — сказала она ни к чему. — Вчера нижняя огибающая гуляла.

— Может, ты сегодня выпалась.

— Я сегодня не спала вообще.

Ким повернул данные на соседнем экране, нашёл нуж-

ное и некоторое время смотрел. Потом произнёс то, что Астра слышала уже раз двести:

— Ты называешь его живым.

— Я называю его модулированным.

— Это одно и то же, только второе можно напечатать в отчёте и не получить запрос из комитета.

— Значит, печатаю второе. — Астра поставила чашку. — А думаю первое.

— Я двадцать лет работаю с людьми, — сказал Ким. — Я знаю, как устроен мозг, который очень хочет найти. Он находит: в шуме, в трещинах на потолке, в пятнах на снимках. Это называется апфения, и ею страдают почти исключительно умные.

— Знаю.

— Тогда почему ты уверена?

— Потому что я тридцать лет занимаюсь не словами. — В куполе не получалось говорить громко, акустика не позволяла. — Больше половины смысла человек передаёт без слов: интонация, пауза, тембр, дыхание, длина молчания перед ответом. Слова — верхний слой, под ним несётся всё остальное, и оно честнее. Я умею читать нижний слой. У этого, — кивок на экран, — нижний слой есть.

— У него есть период сорок семь секунд. Больше нет ничего. Ни кода, ни алфавита, ни синтаксиса. Семантики ноль.

— Семантики ноль, — согласилась Астра. — И это как раз послание. Подумайте о маяке. Маяк не обязан сообщать,

что у него на уме. Он обязан сказать одно: «я здесь» — и сказать так, чтобы услышали сквозь шторм и расстояние. Поэтому он повторяет. Поэтому он избыточен. Избыточность — единственное, что имеет смысл передавать на сто восемьдесят астрономических единиц. Всё остальное потеряется.

— А если это физика? Магнетар. Двойная система.

— Магнетар не подстраивается под движение наблюдателя.

— Значит, мы неверно посчитали поправку.

— Тогда одиннадцать обсерваторий посчитали неверно одно и то же, одинаково, в одну сторону.

Ким усмехнулся — коротко, в бороду, которой у него не было.

— Упрямая.

— Наблюдательная. Люди путают эти слова.

Пик. Спад. Сорок семь секунд — и Ким досчитал их вместе с ней: Астри видела, как шевельнулись его губы.

— Когда ты слышишь голос жены, — сказала Астри, — ты ведь не думаешь о частотах. Не раскладываешь его на спектр и не пишешь в отчёт, что это, вероятно, апфения. Ты просто знаешь, что это она, и знаешь, в каком она настроении, раньше, чем она скажет «привет». Вот и всё, что я утверждаю. Я узнаю настроение.

Ким долго смотрел на экран.

— Двенадцать лет, — сказал он наконец совсем другим голосом. — Совпадение.

— Совпадение. Мне было двадцать, я училась на втором курсе и не отвечала на её письма по три недели, потому что была занята. — Астра поставила чашку ровно, чтобы не звякнула. — Если бы это было совпадение, я бы с ним жила. Я живу. Просто двенадцать лет — много для совпадения. Если оно повторится ещё раз, это будет уже не совпадение.

— А если не повторится?

— Вернусь сюда и буду считать периоды до пенсии. Это тоже нормальная жизнь, Сэм. Не у всех она такая интересная.

Ким посмотрел на неё внимательно, профессионально — как смотрят на снимок. Астра выдержала.

— Повторится, — сказал Ким.

Он встал, дошёл до двери и остановился, будто что-то забыл.

— Тебя приглашают на «Эхо».

Астра не шевельнулась.

— Исследовательское судно ОАК. Экипаж семь человек. Восемнадцать месяцев. Цель — источник. Старт через неделю от «Гелиоса». Кандидатуру ксенолингвиста отклоняли трижды. На четвёртый раз капитан написал сверху: «Мне нужен тот, кто умеет слушать». Лично. Подпись его.

— Кто капитан?

— Кай Реннард. Он читал твою монографию. «Семантика тишины». Тираж четыреста экземпляров, и я сомневаюсь, что триста из них открыли.

— Четыреста один, — сказала Астра. — Один я подарила.

— Кому?

— Маме. Перед отлётом. — Она услышала, как ровно это прозвучало, и удивилась, потому что внутри было совсем не ровно. — Она не вернула.

Ким молчал.

— Я не хочу, чтобы ты летела, — сказал он. — Как врач. Восемнадцать месяцев, дальний борт, экипаж, которого ты не знаешь, и цель, о которой мы не знаем ничего, кроме того, что она есть.

— А как не врач?

— Как не врач я бы полетел сам.

Он шагнул в проём и там обернулся — и Астра поняла, что сейчас будет сказано что-то, чего в протоколе нет.

— У меня есть дочь, — сказал Ким. — В детстве она всё время слушала. В смысле — прикладывала ухо к стене, к земле, к трубе и говорила: там кто-то есть. Мы водили её к врачам. — Пауза. — Я бы многое отдал, чтобы услышать от неё, что она была права.

Дверь закрылась.

Астра осталась одна. Пик. Спад. Сорок семь секунд ровной линии. Она досчитала период до конца, потому что так было заведено, и только потом сказала в пустой купол:

— Хорошо. Я лечу.

2. Приглашение

Каюта — три на четыре, стандарт жилого модуля «Селены-7», где стандартом считалось всё, что не мешает работать. Кровать откидная, с ремнями; стол привинчен; шкаф на восемь килограммов личного груза, потому что больше на борт брать не разрешали. Полку над столом Астра прикрутила сама, в первый месяц, и на ней стояли одиннадцать бумажных книг.

Она начала собирать вещи, потому что руки требовали занятия.

Двухтомник «Невербальная коммуникация», с пометками ещё аспирантских времён. «Ритм и смысл». Репринт докладов Грин-Бэнкской конференции тысяча девятьсот шестьдесят первого года — купленный за безумные деньги, потому что ей хотелось держать бумагу, на которой двенадцать человек впервые всерьёз посчитали, сколько в Галактике может быть тех, кто захочет заговорить.

Астра взвесила стопку на бытовых весах и убрала две книги. Подумала. Вернула одну.

В ящике лежал плеер — старый, плоский, с проводными наушниками; такие вещи переживают три поколения техники только потому, что никто не решается их выбросить. На нём было два файла. Первый — записи матери, сорок минут, большей частью про работу: как калибровать решётку, почему нельзя доверять второму приёмному тракту, как спорить с инженерами и не поссориться. Первый год Астра слушала их по ночам, чтобы не забыть интонацию, и теперь знала на-

изусть. Второй файл был музыкой.

«Гольдберг-вариации», запись тысяча девятьсот пятьдесят пятого года.

Астра села на кровать и надела наушники. Ария. Тридцать вариаций. Ария снова.

Она включила только первую арию и думала о том, что здесь устроено ровно так, как она тридцать лет пыталась объяснить студентам: тема возвращается в конце та же, нота в ноту, — и ты всё равно слышишь её другой. Потому что между ними было тридцать шагов. Потому что она прошла весь путь и вернулась.

Эхо, подумала она. Эхо — это не повторение. Это повторение, которое вернулось изменившимся.

Блокнот был в синем переплёте, с потёртыми углами и резинкой вместо закладки. Мать вела такие всю жизнь, потому что не доверяла цифровой записи, которая портится целиком: «бумага, Астра, глупеет постепенно». На внутренней стороне обложки — её почерк, наклонный, быстрый: *«Слушай дольше»*. Три слова, которые она повторяла дочери с семи лет.

Астра листала до последнего заполненного разворота. За три дня до отлёта «Веги-1» мать записала калибровку, перечень оборудования и внизу, на полях, карандашом, короткими ровными строчками:

«Слушай дольше». «Слушай дольше». «Слушай дольше».

В тот вечер Астра посчитала и пересчитывала потом

несколько раз, потому что не верила себе.

Сорок семь.

Этот разворот она не показывала никому: ни комиссии, ни журналистам, ни Киму. Двенадцать лет страница лежала в ящике и ничего не значила — потому что значить она могла только для неё одной, а она не имела права.

На следующей странице, той же рукой и тем же карандашом, было четыре строки:

«Шум — не шум. Пока не разобрала. Не скажу им, пока не разберу: засмеют, и будут правы. Разберу. Если не вернусь — пусть кто-нибудь послушает дольше».

Астра закрыла блокнот, положила его поверх книг и взвеси-
сила. Восемь килограммов ровно.

Фотографию она достала последней — настоящую, отпечатанную на бумаге, размером с ладонь. Атакама, двадцать пять лет назад: небо ещё тёмное, настоящее, не лунное; за спиной у женщины чаша антенны, выше её в четыре раза; волосы растрёпаны ветром, потому что на плато всегда ветер. Ей здесь тридцать один. Она смеётся и смотрит не в камеру, а вверх, на решётку, и от этого кажется, что видит то, чего фотограф не видит.

Елена Новак. Тридцать один на снимке. Сорок четыре — в последний раз.

Астре было двадцать, когда пришло сообщение. Она сидела на лекции по теории информации и трижды перечитала текст, потому что первый раз поняла не смысл — смысл она

поняла сразу, — а то, что этот смысл относится к ней.

Последняя передача «Веги-1» длилась одиннадцать секунд и дошла рваными кусками:

«...не одна. Здесь есть другие. Они ждут...»

Дальше — шум. Дальше двенадцать лет экспертиз, три комиссии и одно заключение: потеря связи, вероятная гибель экипажа, тело не обнаружено, поиск прекращён. И вежливое письмо от ОАК с извинениями за задержку выплат.

Она не плакала на похоронах, потому что похорон не было. Она плакала через четыре месяца, когда поняла, что перестала помнить, как мать говорит «астрочка».

С тех пор у неё была работа: слушать то, что не говорит словами, и объяснять людям, что молчание — тоже высказывание, у него есть длительность, структура и адресат. Она написала про это девяносто страниц и четыреста один экземпляр и двенадцать лет каждое утро вставала и слушала.

И вот сигнал, начавшийся двенадцать лет назад, вёл себя так, как ведут себя живые: подстраивался.

Астра сняла наушники. Коммуникатор мигал: входящее по земному каналу, задержка одна целая три десятых. Ким.

«Астра. Это не по протоколу, поэтому слушай быстро. Будь осторожна. Ты хороший аналитик, но летишь не анализировать, а искать, и это разные профессии: вторая опаснее, потому что в ней хочется результата. И... если найдёшь ответы — дай мне знать. Любые. Я тоже хочу понять. Конец сообщения».

Запись оборвалась. Астра поняла, что Ким записал это дважды: первый вариант был, наверное, длиннее и официальнее.

Она нажала запись.

— Сэм. Обещаю. — Пауза. Она не знала, что добавить, и добавила правду: — Если там что-то есть, ты узнаешь первым. Если там ничего нет — тоже первым. Я не буду врать тебе ради твоего спокойствия. Конец.

Отправила. Развернула фотографию к себе и сказала тихо — так говорят в каюте три на четыре, где акустика не позволяет громко:

— Я иду к тебе. Кем бы ты ни оказалась.

За иллюминатором, в чёрном небе без единого мазка атмосферы, висела Земля — маленькая, голубая, до отказа полная людей, которые не слышали ничего. Двенадцать тысяч километров. Она казалась ближе, чем сто восемьдесят астрономических единиц.

Астра выключила свет и легла, не снимая ремней.

Сорок семь. Сорок семь. Сорок семь.

Засыпая под счёт, как в детстве засыпала под шум решётки, она впервые за двенадцать лет подумала, что, может быть, всё это время слушала не туда.

3. Станция «Гелиос»

«Гелиос» висел в точке Лагранжа за лунной спиной — там, где притяжения Земли и Луны складываются в устой-

чивую яму и станция стоит годами, почти не тратя топливо. Три с половиной часа на шаттле Астра провела у иллюминатора, глядя, как Луна уходит из-под ног и становится сначала пейзажем, потом предметом, потом обстоятельством.

Стыковка прошла так буднично, что она чуть её не пропустила: толчок, щелчок замков, шипение выравнивания давления и женский голос в динамиках — «Добро пожаловать на „Гелиос“. Температура двадцать два, гравитация ноль три восьми, просьба не бегать в коридоре Б».

Коридор Б пах местом, где много людей и много работы: разогретым пластиком, машинным маслом, кофе, чужим потом и металлическим привкусом воздуха, прошедшего через фильтры тысячу раз. После лунной тишины это было почти оглушительно. Мимо шли техники с планшетами, грузчики в экзоскелетах, двое военных, инженер, которая ругалась в коммуникатор на трёх языках подряд и на всех трёх звучала одинаково убедительно.

Астра шла с сумкой в восемь килограммов и слушала.

Она всегда слушала; это была профессиональная деформация — заходишь в помещение и сначала не видишь, а слышишь: где напряжение, где скука, где страх. Здесь напряжение было ровное и деловитое, как перед погрузкой. И под ним — что-то ещё. Станция вела себя так, как ведут себя люди, ожидающие плохих новостей и решившие делать вид, что ждут хороших.

Коридор кончился смотровой площадкой.

Астра остановилась.

«Эхо» стоял в доке, подсвеченный монтажными прожекторами, и первая мысль была: он совсем не похож на корабль. Он был похож на ухо.

Длинный гладкий корпус, тёмно-серый, с узкой полосой названия — «ЭХО» — и номером ниже; вокруг корпуса фермы, а на фермах антенны: решётки, фазированные панели, чаши разного калибра, повёрнутые в разные стороны, будто корабль никуда не собирался лететь, а собирался всё время слушать. Двигательный отсек сзади был компактным, почти скромным. Всё остальное — приём.

В стекле Астра видела своё отражение, наложенное на корабль, и на секунду ей показалось, что это две фигуры одного размера.

— Красивый, правда?

Она обернулась. Человек стоял в двух шагах — высокий, седеющий, в простой рабочей форме без знаков различия, кроме одного: на груди слева маленькая эмблема. Расходящиеся круги, три дуги от точки, как на воде.

— Кай Реннард, — сказал человек и протянул руку. — Просто Кай. Мы не на военном корабле.

Рукопожатие крепкое, но не давящее — из тех, где следят, чтобы не продемонстрировать силу. Ладонь сухая, тёплая. Глаза серые, с сеткой морщин у внешних углов: так выглядят люди, которые много лет смотрели на яркое. И усталые. Астра отметила усталость сразу и отметила, что она не

про недосып.

— Астра Новак.

— Знаю. — Кай посмотрел на корабль. — Доктор Новак, ксенолингвистика, невербальные системы, «Семантика тишины». Вы утверждаете, что молчание — это высказывание.

— Там девяносто страниц. Вы прочитали все?

— Все. — Кай не улыбнулся. — Понравилось на шестьдесят второй. Про то, что у молчания есть адресат. Что молчать «в никуда» невозможно: если молчишь — ждёшь, что тебя услышат.

— Тираж четыреста один экземпляр. Половина ушла в библиотеки, где её не открывают. Откуда вы...

— Я читаю всё, что может помочь миссии, — сказал Кай. — Даже то, что, скорее всего, не поможет. Это дешевле, чем не прочитать нужное.

Они помолчали. Внизу кран переставлял контейнер; свет дрогнул на корпусе, и на секунду показалось, что корабль дышит.

— Он весь из приёмников, — сказала Астра.

— Весь. Мы строили его не для того, чтобы далеко улететь, а чтобы далеко услышать. Двигатель — компромисс. Антенны — суть.

— Значит, вы уже решили, что там есть что слушать.

Кай ответил не сразу. Пауза была ровно такой длины, чтобы её заметили.

— Я командую судном четырнадцать лет и выучил од-

ну вещь: мы слишком мало знаем, чтобы делать выводы. И слишком много боимся, чтобы задавать правильные вопросы.

— А какие правильные?

Кай повернулся к ней.

— Первый: почему сигнал появился именно сейчас? Он идёт двенадцать лет, но заметили его недавно, а когда заметили, он был в двести раз громче, чем в первый год. Он растёт. Второй: почему он такой простой? Двенадцать лет, ноль информации, один период. Если хочешь, чтобы тебя поняли, ты не молчишь двенадцать лет одним и тем же. Так делают не для содержания.

— Так делают, чтобы тебя точно услышали.

— Или чтобы к тебе привыкли, — сказал Кай. — И третий: почему все, кто слушал его дольше месяца, чувствуют, что он что-то значит? Одиннадцать обсерваторий. Восемь подали рапорты с формулировкой «предположительно преднамеренный». Восемь из одиннадцати, доктор Новак. Это не статистика, это эпидемия.

Астра смотрела на него и понимала две вещи одновременно.

Первая: вопросы заданы правильно. Так правильно, что от этого неуютно, потому что правильные вопросы обычно задают те, кто уже знает часть ответов и хочет проверить, не соврёт ли собеседник.

Вторая: в списке экипажа, присланном вчера, напротив

одной строки стояла пометка. Не медицинская. *Реннард М., статус: не определён. Примечание: см. личное дело капитана, доступ закрыт.*

— Вы что-то знаете, — сказала Астра. — И не говорите.

Кай выдержал её взгляд. Ни возмущения, ни вины — только усталость.

— Знаю. Ровно столько, чтобы лететь, и недостаточно, чтобы объяснить. Когда буду знать больше — скажу. Если не скажу, значит, это было не знание, а желание. — Он кивнул на корабль. — Я не беру на борт людей, которым вру. Я беру людей, которым не успеваю рассказать всё.

— Чем это отличается?

— Тем, что второе можно пережить. — Кай помолчал. — Ваш предшественник отказался. Прочитал материалы, думал двое суток и написал, что не полетит, пока ему не скажут, что случилось с его женой четыре года назад. Комиссия это не приняла.

— А вы?

— А я принял. Написал ему, что понимаю. Он не ответил. Астра посмотрела на эмблему.

— Это эхо.

— Наш знак. Круги от капли. — Кай тронул её пальцем. — О названии спорили полгода. Были серьёзные варианты: «Первооткрыватель», «Горизонт», «Вектор». Выбрали «Эхо», потому что точнее. Мы летим к тому, что откликнулось. Всё, что у нас есть, — отклик. Мы не знаем, что крик-

нули и кто. Знаем только, что вернулось.

— Вернулось изменённым, — сказала Астра негромко.

Кай посмотрел на неё впервые за весь разговор по-настоящему, без служебной вежливости.

— Поясните.

— Эхо никогда не повторяет крик точно: возвращает короче, тише, с потерями. Но иногда — и это редкий случай — возвращает то, чего в крике не было. Отражение от другой среды. Другой голос. В акустике это называют окрашенным эхом. Мне всегда казалось, что интереснее всего слушать именно его.

Кай молчал несколько секунд.

— Добро пожаловать на борт, доктор Новак. Надеюсь, вы готовы слушать.

— Готова. — Астра помедлила. — Могу спросить? Почему вы летите?

Кай посмотрел на корабль. Прожекторы внизу погасили на секунду — смена смены, перераспределение мощности, — и «Эхо» стал просто чёрным силуэтом на фоне звёзд, и было видно, как много в нём антенн.

— Потому что оставаться на месте страшнее, — сказал Кай.

Он кивнул и пошёл вдоль стекла, туда, где коридор уходил к шлюзовым. Астра смотрела вслед и думала о том, что за весь разговор капитан не произнёс ни одного слова, которое можно было бы назвать ложью, — и ни разу не сказал

правды.

Позади, в доке, прожекторы включили снова.

«Эхо» висел в трёхстах метрах — огромный, тихий, весь из слуха. Дом на восемнадцать месяцев.

Астра прижала ладонь к стеклу. Стекло было холодное.

Она досчитала про себя до сорока семи и пошла регистрироваться на борт.

Глава 2. Экипаж

Вечер перед стартом, ночь, утро старта. Борт «Эхо», станция «Гелиос».

1. Знакомство

Кают-компания «Эхо» была устроена так, чтобы в ней хотелось сидеть дольше, чем требуется, и Астра заметила это сразу: длинный стол на семерых, мягкие кресла с высокой спинкой, панорамное окно во всю переборку, синтезатор пищи в нише и — отдельно, с подчеркнутой небрежностью, — кофемашина. Настоящая, с жерновами, с латунной табличкой на боку. На исследовательском судне, где каждый килограмм массы считается в трёх инстанциях, такая машина стоила дороже, чем весь её личный груз.

Кто-то её протащил. Кто-то очень хотел, чтобы здесь пахло домом.

За столом сидели четверо, и все четверо обернулись, когда она вошла.

— Итак, все в сборе, — сказал Кай от двери. Он вошёл следом, не сел, а встал у изголовья стола, положив руку на спинку кресла: привычка человека, который много лет начинает совещания стоя. — Познакомимся.

Первой заговорила рыжая.

— Лия Стоун, инженер-биолог, замкнутые экосистемы. — Она говорила быстро и чуть громче, чем нужно, и от этого вся казалась на полградуса теплее остальных. Веснушки, короткая коса, свитер с закатанными рукавами; на запястье —

браслет с тремя разноцветными бусинами, из тех, что делают дети. — Если что-то зацветёт или завянет — это ко мне. Но я предпочитаю, чтобы цвело.

— А если сойдёт с ума? — спросил Ким.

Он сидел ближе к окну, с чашкой в обеих руках, и выглядел так же, как на «Селене», только без необходимости нравиться двенадцати людям в сутки. Усталость осталась; должность — исчезла.

— Тогда я его пересажу, — сказала Лия. — У меня было два случая. Один закончился хорошо.

— Или сошли — но контролируемо, — сказал Ким.

Смеялись все, кроме двух человек: Дмитрия и Астры. Астра — потому что ещё считала присутствующих; Дмитрий — потому что не поднимал глаз от блокнота.

Роза Мартинес сидела слева от кофемашины и держала чашку так, как держат инструмент: уверенно и без церемоний. Короткая стрижка, широкие плечи, на пальце правой руки — старая мозоль от ключа, которую не стирает никакой крем.

— Роза. Двигатели, жизнеобеспечение, всё, что гудит, — сказала она. — И если не зацветёт, я заставлю их петь ту, что нужно. У меня с ними взаимопонимание.

— С кем — с ними? — спросила Лия.

— С агрегатами, детка. С людьми у меня хуже.

Снова засмеялись. Роза не улыбнулась, но в глазах у неё что-то шевельнулось, и Астра отметила: не грубая, а эконом-

ная. Такими бывают люди, у которых дома кто-то ждёт.

Человек с блокнотом поднял голову, только когда Кай произнёс его имя.

— Дмитрий Волков. Навигация. Гиперпространственные переходы.

Три фразы. Голос низкий, ровный, с той небольшой запинкой на середине, которая бывает у людей, привыкших говорить меньше, чем думают. Тёмные волосы, тяжёлые веки, руки, лежащие на столе неподвижно, как у человека, который держит себя в руках по расписанию. Блокнот он не закрыл, а перевернул обложкой вверх — движение быстрое, отработанное, из тех, что выдают привычку, а не случайность.

Астра села на свободное место у окна.

— Доктор Астра Новак, — сказал Кай. — Ксенолингвист. Она будет пытаться понять, что говорит нам сигнал.

— Или что он поёт, — сказала Астра.

Лия обернулась так резко, что бусины на браслете звякнули.

— Поёт?

— Это профессиональное. — Астра поставила сумку под стол. — У меня пост на третьей палубе, рядом с приёмным трактом. Я провела там четыре часа до ужина. Корабельные антенны дают втрое чище, чем решётка на «Селене»: у вас нет ни лунного экрана, ни собственного шума станции. Сигнал слышно лучше. И в нём слышно больше.

— Больше чего? — спросила Роза.

— Нижнего слоя.

— Поясните для механиков.

— Есть основная несущая. Сорок семь секунд, одиннадцать знаков точности, всё, что вам уже показали на брифинге. Под ней — модуляция. На четыре порядка слабее. Её видно только при сложении тысяч периодов, и на «Селене» я собирала её три недели. Здесь она собирается за сутки.

— И что в ней? — спросил Ким.

— Не знаю. Она не повторяется. Она меняется. Медленно, неровно, и у изменений есть структура, но структура не периодическая. Так меняется не код, а состояние. — Астри помолчала. — Ритм не обязан быть сообщением. Сердце тоже не сообщает ничего. Но по тому, как оно бьётся, вы понимаете, человеку страшно, или он спит, или он влюблён. Я всю жизнь этим занимаюсь: читаю то, что не говорит словами.

— И что он сейчас? — спросила Лия тихо. — Страшно?

— Он учится.

В кают-компании стало слышно, как работает кофемашина: кто-то поставил цикл, и теперь все слушали жернова, чтобы не смотреть друг на друга.

— Учится чему?

Астри обернулась на голос. Это был Дмитрий. Он смотрел на неё прямо, впервые за вечер, и в этом взгляде не было ни вежливости, ни скепсиса — только работа: человек взял вопрос и не отпускал.

— Нам, — сказала Астра. — Или... для нас. Я пока не решила, какой предлог вернее.

Дмитрий кивнул — коротко, один раз, — и снова опустил глаза в блокнот. Но теперь он не писал. Он держал карандаш неподвижно и смотрел в страницу, как смотрят в окно.

Роза откашлялась.

— Я скажу как механик, раз уж зашёл разговор. У любой модуляции есть физика. Антенна дышит от тепла, приёмный тракт плавает, межзвёздная среда мерцает — у вас на выходе будет плавающий мусор, и он будет выглядеть осмысленно, потому что мозг не умеет смотреть на мусор и не складывать его в узоры. Я не говорю, что вы не правы. Я говорю: сначала исключите аппаратуру.

— Я три недели исключала аппаратуру, — сказала Астра.

— Три недели на одной решётке. — Роза подняла бровь. — На семи независимых трактах это делается за трое суток. Дайте мне доступ к вашим сборкам, я поставлю контрольные каналы. Если ваш нижний слой переживёт мою проверку — я первая скажу, что он живой.

Астра посмотрела на неё и поняла, что за вечер впервые услышала не возражение, а помощь.

— Спасибо.

— Не за что. — Роза отхлебнула. — Мне самой интересно. Я двадцать два года чиню то, что люди построили. Хочется один раз увидеть то, что построили не люди.

Кай поднял руку — движение небольшое, но стол замол-

чал сразу.

— Завтра в ноль шесть сорок мы отходим от «Гелиоса», — сказал он. — Переход в гиперпространство на третьи сутки. До перехода все системы проверяются дважды, все отчёты сдаются в срок, все вопросы задаются сейчас, а не на второй день полёта. — Он обвёл стол взглядом. — И одно правило. Оно у меня одно, и я его не меняю: если с вами происходит что-то, чего вы не понимаете, — вы приходите и говорите. Мне, Киму, кому угодно из присутствующих. Не держите в себе. В дальнем полёте это единственная вещь, которая реально убивает экипажи. Не авария. Молчание.

Никто не ответил. Лия посмотрела на Дмитрия и отвела глаза так быстро, что Астра это заметила.

— Будьте готовы, — сказал Кай и вышел.

За ним, с минутной паузой, поднялся Дмитрий. Роза допила кофе одним глотком, как лекарство, и ушла в машинное. Ким задержался у двери и, проходя мимо Астры, сказал вполголоса:

— Ты в порядке?

— Я в порядке.

— Ты бледная.

— Я не спала двое суток, Сэм. — Она позволила себе короткую улыбку. — Ты сам это засёк по журналу доступа.

Ким хмыкнул и ушёл.

Лия осталась.

— Ты не против, если я посижу? — спросила она. — У

меня оранжерея через два часа по циклу, раньше смысла нет. И я тут всех знаю, а с тобой — нет. А мне неудобно, когда я кого-то не знаю.

— Садись.

Лия села, подтянула колени к груди прямо в кресле и обхватила их руками — поза человека, которому физически удобнее в тесноте.

— Ты правда думаешь, что он живой?

— Я думаю, что он ведёт себя как живой.

— А это не одно и то же?

— Нет, — сказала Астра. — Первое — это наблюдение. Второе — это вывод. Я пока на первом.

Лия посмотрела на неё долгим, неожиданно серьёзным взглядом — и вдруг рассмеялась, громко, так, что эхо ушло в пустой коридор.

— Мне это ужасно нравится. Дима говорит так же. Только он не объясняет.

— Дима?

— Дмитрий. — Лия пожала плечами и отвернулась к окну. — Мы полгода вместе на курсах. Он пишет стихи.

— Откуда ты знаешь?

— У него на полях не формулы, — сказала Лия. — Я один раз увидела. Он потом три дня со мной не разговаривал.

Она встала, поправила свитер и уже у двери обернулась.

— Если не спится — приходи в оранжерею. Там плюс двадцать четыре, влажность шестьдесят и пахнет землёй. На ко-

рабле это лучшее место, чтобы перестать думать о космосе.

Дверь закрылась.

Астра осталась одна за столом на семерых. Кофемашина доделала цикл и щёлкнула. За окном висел «Гелиос» — фермы, модули, мигающие огни стыковочных, и в трёхстах метрах от него, на тросах, медленно поворачивался контейнер, забытый краном.

Она подумала, что за один вечер узнала про этих четверых больше, чем про одиннадцать коллег за три года на Луне, и что это плохой признак: так бывает, когда люди собираются не на работу, а на что-то, после чего придётся заново знакомиться с собой.

2. Ночь перед отлётом

Спать она легла в двадцать три сорок и пролежала до двух часов четырнадцати минут, глядя в потолок.

Каюта была больше лунной — четыре на три, с настоящим иллюминатором, — и лучше: кровать с нормальным матрасом, стол, встроенный шкаф, полка, которую ей разрешили прикрутить. Одиннадцать книг стояли на ней в том же порядке, в каком она их собирала; блокнот матери лежал сверху, потому что для него она так и не нашла места. Фотография Атакамы была вставлена в рамку из мягкого полимера и приклеена к переборке над столом: на корабле не разрешали сверлить стены.

Сорок семь секунд проходили и в темноте. Она считала их

не специально — просто тело запомнило ритм и теперь воспроизводило его само, как воспроизводят мелодию, услышанную утром.

В два часа четырнадцать минут она встала, накинула куртку и вышла в коридор.

Корабль спал. Ночной режим гасил верхний свет и оставлял только нижнюю полосу — тёплую, янтарную, на уровне щиколотки; по проекту она предназначалась для аварийной эвакуации, но все пользовались ею, чтобы ходить ночью и не включать лампы. Где-то в глубине корпуса работал климат: ровно, на одной ноте, с тем едва различимым свистом, который на второй неделе перестаёшь замечать, а на первой он не даёт спать.

Астра дошла до поворота и увидела в конце коридора, у смотрового окна, стоящего человека.

Кай тоже не спал.

Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел наружу, и от янтарной полосы снизу его лицо было наполовину в тени. Астра хотела уйти — и не ушла, потому что поняла: он слышал её шаги ещё до поворота и не обернулся сознательно.

— Не спится? — спросила она.

— Всегда так перед стартом. — Он сделал паузу. — Как будто должно случиться что-то важное. Даже когда знаешь, что не случится.

— А вы знаете, что не случится?

— Знаю расписание, — сказал Кай. — Расписание — это

единственное, что я знаю наверняка.

Астра подошла и встала у окна в шаге от него. Снаружи был «Гелиос»: огоньки, фермы, медленно ползущий по рельсу грузовой контейнер, и за всем этим — звёзды, немигающие, потому что между ними и стеклом не было воздуха.

— Четырнадцать лет, — сказала она. — Вы столько командуете. И всё равно не спите перед стартом?

— Именно поэтому и не сплю. — Кай не повернул головы. — Первый раз я боялся, что не справлюсь. Второй — что справлюсь и это окажется легко. Сейчас я боюсь другого: что всё, что ты знал, остаётся позади, а вернёшься ли ты — неизвестно. И это правильный страх. Плохо, когда его нет.

— Но вы всё равно летите.

— Потому что оставаться на месте ещё страшнее.

Он сказал это ровно, как говорят о погоде, и Астра поняла, что фраза у него старая: он её носит с собой много лет и давно не слышит, как она звучит со стороны.

Несколько минут они молчали. Корабль дышал климатом. Вдалеке щёлкнул замок — где-то в машинном Роза проверяла контур, несмотря на то что смена началась через четыре часа.

— Кай.

— Да.

— Можно спросить не по протоколу?

Он наконец повернул голову.

— Смотря что вы называете протоколом.

— Мне прислали список экипажа. Семь строк. Шесть имён и одна пометка: «Реннард М., статус не определён, доступ закрыт». — Она держала голос ровно; за тридцать лет она научилась задавать вопросы так, чтобы собеседнику было легче ответить, чем соврать. — Я не собираюсь это читать. Но я лечу с вами восемнадцать месяцев, и мне нужно знать, что у вас на борту есть то, ради чего вы сюда пришли лично.

Кай смотрел на неё. В янтарном свете было видно, что морщин у внешних углов глаз у него больше, чем должно быть в сорок пять.

— Мира, — сказал он.

— Ваша жена.

— Была. — Он произнёс это слово с той маленькой задержкой, которая выдаёт человека, выбравшего его специально. — Почти четыре года назад. Экспедиция к Транснептуновым, судно «Орта», четыре человека на борту. Через восемь месяцев «Орту» нашли. Дрейфовала в пятнадцати тысячах километров от расчётной точки. Двигатель исправен. Реактор на тридцати процентах. Системы жизнеобеспечения работали так, что на борту можно было жить ещё полгода. Запасы воды — почти не тронуты.

Он помолчал.

— Скафандров на месте было четыре. Люк шлюза — закрыт изнутри. Журнал обрывается на записи о штатной проверке контура. И нет тел. Ни одного. Никого из четверых.

— Вы были там?

— Я был там через одиннадцать дней. — Кай снова отвернулся к окну. — Мне разрешили. Это было неправильно по всем инструкциям, и я до сих пор не знаю, правильно ли это было по сути. Я ходил по своему кораблю и искал свою жену, и понимал, что ищу не тело. Я искал признак. Что-то, что объяснило бы мне, чего я не понимаю.

— Нашли?

— Нашёл одну вещь. — Он говорил очень тихо. — На камбузе стояли три чашки. Все три — вымытые и перевёрнутые вверх дном. Люди, которые собираются умереть, не моют посуду. Люди, которые собираются уйти и вернуться, — тоже. — Кай провёл ладонью по стеклу, будто стирал с него пыль. — Посуду моют те, кто собирается жить дальше. А переворачивала чашки вверх дном только Мира. У неё была привычка: она говорила, что посуда должна сохнуть дном кверху, иначе в неё садится пыль. Я так делаю сам. Двадцать лет.

Астра стояла и чувствовала, как у неё холодеют руки.

— Вы думаете, сигнал связан с ней?

— Я думаю, что сигнал связан со всеми нами, — сказал Кай. — С теми, кто потерял. С теми, кто ищет. С теми, кто готов слушать. Это не ответ, я знаю. Но я за месяц до экспедиции получил личное сообщение. Не по каналу ОАК. Не через сеть. На свой закрытый коммуникатор, который не подключён ни к чему и физически лежит в сейфе.

Астра вздрогнула — не от смысла, а от того, как он это

сказал: спокойно, буднично, как отчёт о неисправности.

— Что в сообщении было?

— Одиннадцать секунд записи. Шум. И три слова. — Он посмотрел на неё. — «Я не одна. Здесь...» Дальше не разобрать. Я носил эту запись к семи специалистам. Четверо сказали, что это розыгрыш. Двое — что повреждённый файл. Один сказал, что это не похоже ни на один известный мне способ подделки, и попросил больше ему такое не присылать.

— Ким знает?

— Ким знает всё, — сказал Кай. — Поэтому он на борту. И поэтому он вас отговаривал.

Астра вспомнила чашку контрабандного кофе на пульте «Селены» и то, как Ким стоял на пороге купола и рассказывал про дочь, которая прикладывала ухо к стене.

— Он хороший врач, — сказала она.

— Он единственный человек, который может сказать мне, что я сошёл с ума, и я ему поверю. — Кай усмехнулся, коротко и без веселья. — Пока он этого не сказал. Я жду.

Он повернулся к ней всем корпусом — впервые за разговор.

— Ваша мать. Она ведь тоже исчезла.

Астра не ответила сразу.

— Откуда вы...

— Я читал ваш личный файл. — Он произнёс это без извинений, но и без вызова: констатация, за которую он готов

отвечать. — Простите. Но я должен знать, с кем лечу. Я знаю про «Вегу-1». Знаю про одиннадцать секунд. Знаю, что вы двенадцать лет запрашивали архивы экспедиции и вам двенадцать лет отказывали, и что последние четыре года вы платили за доступ к данным «Дальнего Слуха» из собственных денег, потому что служебного вам не давали. — Пауза. — Я знаю, что вы летите не изучать сигнал.

Астра почувствовала, как у неё начинает гореть лицо, и разозлилась на себя за это.

— И что я, по-вашему, делаю?

— Ищите, — сказал Кай. — Как и я. Разница только в том, что я старше и у меня было больше времени привыкнуть.

Она смотрела в окно, где «Гелиос» мигал стыковочными огнями, и собирала себя обратно.

— Да, — сказала она наконец. — Она исчезла. Двенадцать лет назад. Ей было сорок четыре, и она была лучшим специалистом по приёмным трактам из всех, кого я знала, и я не думаю, что она погибла. Я думаю, что она нашла что-то. И что это что-то оказалось больше, чем она рассчитывала, и она не смогла вернуться. — Астра сглотнула. — Я не верю в гибель. Я не имею права в неё верить, потому что тогда всё, что я делала двенадцать лет, было просто долгой формой горя.

Кай молчал долго.

— Тогда давайте найдём это вместе, — сказал он.

И ушёл по коридору — тихо, так, что янтарная полоса на

полу ни разу не скрипнула под его ботинками.

Астра осталась у окна. Она досчитала до сорока семи, потом ещё до сорока семи, потом пошла к себе и, не включая свет, села за стол и открыла чистый файл.

Написала: *«Кай Реннард. Не врёт. Умалчивает системно и осознанно; считает, что имеет право. Не доверяет, но берёт на борт — значит, нуждается сильнее, чем хочет показать. Жена: „Орта“, четыре вымытые чашки. Личное общение за месяц до старта, 11 секунд, „Я не одна“ — та же длительность, что последняя передача „Веги-1“»*.

Она остановилась и перечитала последнюю строку дважды.

Одиннадцать секунд. И там, и там.

Астра дописала: *«Совпадение?»* — и, подумав, добавила ниже, одним словом: *«Нет»*.

Потом закрыла файл, легла и уснула через минуту — так засыпают люди, у которых наконец появилось направление.

3. Отлёт

Ноль шесть сорок.

Мостик «Эхо» был теснее, чем казалось со стороны: шесть кресел в два ряда, пульта по периметру, панорамное окно в носовой части и над ним — широкая полоса вспомогательных экранов, сейчас почти пустая. Пахло кофе и тёплым пластиком; Роза пришла с собственной чашкой, поставила её в держатель у пульта и закрепила так тщательно, как закрепи-

ляют только то, что действительно дорого.

— Всем занять места, — сказал Кай. — Старт через пять минут.

Он сел в командирское кресло — крайнее правое, — положил ладони на подлокотники и на несколько секунд замер, глядя прямо перед собой. Астра сидела во втором ряду, слева; её пост был здесь же, на мостике, в выносной консоли приёмного тракта. Ким — за её спиной, у медицинского пульта. Лия — рядом с Кимом, с планшетом на коленях. Дмитрий — в первом ряду, у навигации. Роза — у двигателей.

— Доклад, — сказал Кай.

— Двигатели в норме, — ответила Роза. — Кольцо Алькубьерре заряжено на шестьдесят два процента, подогрев контура завершён, щиты стабильны. Топливо по смете, резерв двенадцать процентов сверх. Говорю сразу: если нам придётся тормозить в аварийном режиме, резерва хватит на один раз. Не на два.

— Принято. Дмитрий.

— Курс проложен, — сказал Дмитрий. — Три коррекции на маршруте, первая через девятнадцать часов. Точка выхода из гиперпространства рассчитана с запасом в четыре тысячи километров. Готов к старту.

— Лия.

— Оранжерея стабильна. Полив по циклу, свет по циклу, все контуры замкнуты. — Лия замаялась на полсекунды —

Астра услышала эту паузу. — Растения... они пульсируют быстрее.

Кай обернулся.

— Быстрее — это как?

— Вчера было сорок семь секунд. Сейчас сорок одна и три. Я перепроверила три раза и подняла архив с «Гелиоса» за неделю. Там сорок семь ровно. — Лия говорила быстро, с той интонацией, которой оправдываются, когда боятся, что их примут за дураков. — Я не знаю, как это связано. Может, освещение, может, вибрация при погрузке. Я просто докладываю.

— Вы правильно докладываете, — сказал Кай. — Продолжайте считать. Астра.

Она уже смотрела на экран.

— Сигнал усилился. В восемь десятых раза относительно замера на «Селене» двенадцатидневной давности — но это из-за антенн, я поправку сняла. По сути: амплитуда субмодуляции выросла втрое. — Она быстро прокрутила график. — И период... период ушёл с сорок семи на сорок одну и три. Точно как у Лии.

В каюте-компании было бы тихо; на мостике тишина получилась другой — рабочей, с гулом вентиляции.

— Совпало до десятой, — сказала Роза медленно. — Две независимые системы измерения. Ну, допустим. А теперь скажите мне, кто из вас объяснит, с какой стати радиоволна меняет период синхронно с цветком в горшке.

— Я объясню, — сказала Астра. — После того как соберу данные.

— Хорошо. — Роза кивнула. — Мне достаточно, что ты не скажешь «просто так».

— Отлёт, — сказал Кай.

Толчок был мягче, чем она ждала: не удар, а длинное, ровное усилие, будто кто-то большой и аккуратный оттолкнул корабль открытой ладонью. За окном «Гелиос» поехал вбок, потом вниз, потом стал схемой из ферм и модулей, потом — светящейся точкой, и ещё через две минуты точкой, которую нужно было искать глазами.

Астра смотрела в окно и понимала, что не может вспомнить ни одного случая, когда этот момент был бы ей неприятен.

— Красиво, правда? — сказал Кай. Он не обернулся; он смотрел туда же.

— Да. Я всегда любила этот момент. Когда покидаешь порт и впереди только неизвестность.

— А я всегда его боялся, — сказал Кай.

— Знаю. Вы говорили ночью.

— И всё равно летаю.

— Знаю, — сказала Астра. — И это тоже.

Он усмехнулся — коротко, впервые за все дни по-настоящему, — и повернулся к пульту.

— Роза, курс на выход из зоны станции. Дмитрий, переход по готовности, не раньше двенадцати часов: людям нуж-

но привыкнуть к кораблю. Ким, обход через час. Лия, считайте свой период и пишите в журнал каждые тридцать минут. Астра — ваш пост.

— Есть мой пост, — сказала Астра.

Земля в тот день так и не появилась: они уходили от неё в противофазе, и вместо планеты за кормой висела Луна — плоский серый диск, на котором она, если очень постараться, могла бы найти Море Восточное и купол на внешнем валу, где три года стояло её кресло.

Она не стала стараться.

Вместо этого Астра включила приёмный тракт на полную и впервые в жизни услышала сигнал так, как его было слышно здесь.

На «Селене» он приходил сквозь три слоя фильтров и лунный реголит; на «Эхо» он приходил почти напрямую — сто восемьдесят астрономических единиц пути и один кусок металла между источником и её ухом. Пик был чистый, как удар колокола. А под ним, в четырёх порядках ниже, шла та самая кривая — медленная, неровная, живая, и теперь она не требовала трёх недель сложения: она лежала на экране готовой линией, и Астра видела, как линия поднимается и опускается, будто кто-то дышит.

Она надела медицинский датчик на запястье и вывела свой пульс на соседний график.

Шестьдесят девять. Кривая шла рядом.

Она задержала дыхание на двадцать секунд — кривая

дрогнула и пошла выше. Сделала четыре глубоких вдоха, успокоилась — кривая опустилась.

Астра сидела неподвижно и смотрела на два графика, и у неё было то чувство, которое бывает у людей, нашедших не то, что искали, а больше.

Она открыла журнал наблюдений, написала дату, номер периода и первую строку:

«Сигнал реагирует на физиологию наблюдателя в реальном времени. Задержка отклика — менее секунды. Это означает, что реагирование происходит не на источник излучения в 180 а. е., а на что-то, что находится ближе. Либо: расстояние в данном случае не является параметром».

Она посмотрела на последнюю фразу, подумала и оставила её как есть.

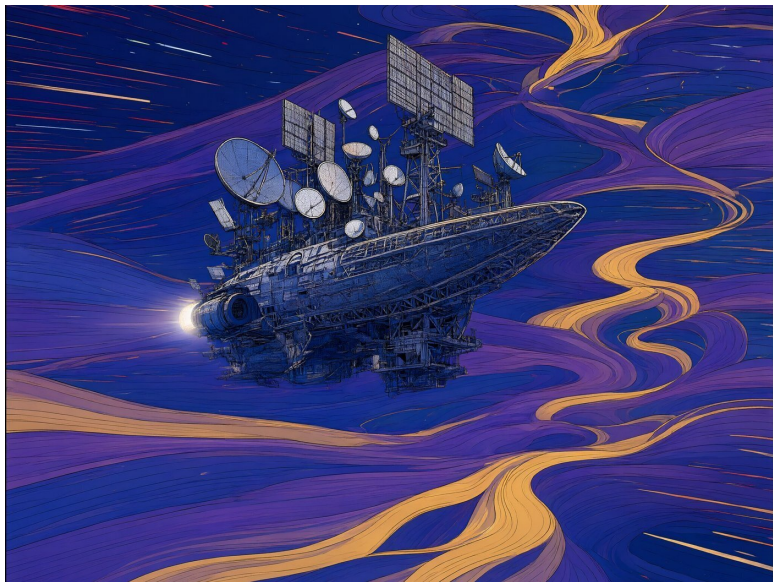
Потом досчитала до сорока одной и трёх — новый период, который она уже ощущала грудью, — и сделала то, что делала каждое утро двенадцать лет.

Сказала тихо, чтобы слышала только она и микрофоны приёмного тракта:

— Я здесь. Я слушаю.

Корабль шёл прочь от Луны, и за кормой оставались обсерватория, одиннадцать лет работы и одна фотография в рамке из мягкого полимера, а впереди было восемнадцать месяцев, шесть человек, оранжерея, в которой растения дышали в такт радиоволне, и сто восемьдесят астрономических единиц тишины, которая умела отвечать.

Глава 3. Первый шаг

Первые сутки в гиперпространстве. Борт «Эхо».

1. Вход

— Роза.

— Здесь. — Она не подняла головы от пульта. — Контрольные каналы я замкнула вчера в двадцать три десять. Шесть независимых трактов, три собственных генератора,

два из них — на физической развязке, чтобы их нельзя было поймать наводкой. Ваша субмодуляция прошла все шесть. — Роза отложила стилус и посмотрела на Астру. — Я исключила аппаратуру. Дальше без меня: я механик, а не философ.

— Спасибо, — сказала Астра.

— Не благодари. — Роза снова взяла стилус. — Мне теперь с этим лететь восемнадцать месяцев.

Кай обвёл мостик взглядом.

— Доклад о готовности к переходу.

— Двигатели в норме, кольцо заряжено на девяносто четыре, — сказала Роза. — Теплоотвод в режиме ожидания, щиты стабильны. Предупреждаю заранее: в пузыре у нас не будет ни одного штатного способа остановиться. Мы либо идём до точки выхода, либо идём до точки, где кончится топливо. Промежуточных вариантов физически нет.

— Есть, — сказал Дмитрий, не поднимая глаз. — Аварийный сброс кольца. Мы вываливаемся в обычное пространство там, где оказались.

— С перегрузкой в одиннадцать единиц и без гарантии, что корпус это переживёт, — сказала Роза. — Я это называю «не вариант».

— Я называю это вариантом, — ответил Дмитрий. — Просто дорогим.

Кай поднял руку, и спор закрылся, как дверь.

— Переход через одиннадцать минут. Всем занять места, ремни застегнуть. Дмитрий — твой протокол. И одно пре-

дупреждение, которое я обязан сделать по инструкции и которое инструкция формулирует так плохо, что я скажу своими словами. — Он помолчал. — В пузыре бывают ощущения. Разные. У каждого свои. Тридцать процентов экипажей на дальних переходах сообщают о звуках, запахах, образах и чувстве присутствия. Это не авария и не болезнь. Это мозг, у которого отняли привычное пространство и который достраивает его из того, что имеет. Если увидите что-то — не молчите. Скажите вслух. Киму, мне, соседу. Сказанное вслух перестаёт быть вашим личным и становится общим, а общее переносится легче.

— Значит, галлюцинации разрешены, — сказала Роза.

— Значит, о них надо докладывать, — сказал Кай. — Это разные вещи.

Астра закрепила ремень и посмотрела на экран приёмного тракта. Тридцать восемь и шесть. За последние восемнадцать часов период ушёл ещё на две с половиной секунды и продолжал падать — медленно, ровно, без скачков, как снижается пульс у человека, который засыпает.

Она написала в журнале одну строку: *«Период уменьшается. Динамика монотонная. Гипотеза: приближение».*

— Вход через три минуты, — сказал Дмитрий.

— Принято. Роза?

— Кольцо в рабочем режиме. Экзотика стабильна, отрицательная плотность в норме, удержание поля — девяносто девять и семь. — Она говорила быстро, перечисляя, и Астра

впервые услышала в её голосе то, чего не было в кают-компаний: удовольствие. Роза любила свою машину, и машина это знала. — Пузырь сформирую за сорок секунд. Внутри будет тихо. Не пугайтесь: это не тишина, это отсутствие сопротивления.

— Дмитрий?

— Курс введён. Ошибка ноль целых три десятых. — Он поднял голову. — Капитан. Я прошу разрешения вести переход вручную.

Кай посмотрел на него.

— Автопилот делает это лучше.

— Автопилот делает это одинаково, — сказал Дмитрий.
— Мне нужно чувствовать.

Три секунды Кай молчал — и Астра поняла, что он решает не про переход, а про человека.

— Ведите, — сказал он. — Роза, страхуй.

— Страхую.

— Вход через три... два... один...

Астра ожидала удара.

Удара не было. Не было ни вибрации, ни звука, ни толчка — ничего из того, что тело заранее напрягается перенести. Вместо этого за окном звёзды поехали.

Не вытянулись в линии, как показывают в старых фильмах, а именно поехали: сначала медленно, будто кто-то сдвинул стекло, потом быстрее, и одновременно с этим они начали менять цвет — смещаться к синему впереди и уходить

в красный позади, и через две секунды вся картинка сложилась в длинные ровные полосы, а полосы — в потоки.

Потоки были синие, фиолетовые и золотые. Они шли мимо корабля, не касаясь его, переплетались и расходились, складывались в узлы и снова распускались; некоторые были тонкие, как волос, некоторые — шириной с ладонь, и все они двигались с разной скоростью, и от этого казалось, что «Эхо» стоит в медленной реке света, которая течёт сразу во всех направлениях.

У Астры заложило уши.

Не больно — так, как закладывает на спуске, когда не успеваешь сглотнуть. Она сглотнула, и не прошло. Тогда она посмотрела на свои руки, лежавшие на подлокотниках, и увидела, что они на месте, и это почему-то помогло. Дальше началось то, о чём предупреждал Кай: ощущение, что корабль движется, при полном отсутствии движения. Вестибулярный аппарат твердил, что они падают. Глаза утверждали, что они стоят в реке света. Мозг выбирал между двумя показаниями и не выбирал ни одного, и от этого в желудке сделалось пусто, а в затылке поселился тонкий высокий звук, которого на самом деле не было.

Она вспомнила, что в инструкции это называлось «сенсорный конфликт переходного периода» и что у трети экипажей он проходит за первые сутки.

Потом потоки за окном замедлились, и стало легче.

Корабль мягко содрогнулся — один раз, как содрогается

лодка, когда её отпускают.

— Пузырь сформирован, — сказала Роза. Голос у неё стал на полтона выше. — Граница стабильна, толщина сорок два метра. Внутри — плоское пространство, мы в свободном падении, перегрузок нет. Теплоотвод... — она запнулась на долю секунды, — теплоотвод в норме. Все системы работают штатно. Переход завершён.

— Время до выхода? — спросил Кай.

Дмитрий не ответил.

Астра сидела во втором ряду, слева, и видела его профиль: он не шевелился, руки лежали на пульте в том положении, в каком были при входе, и только правая ладонь медленно сжалась в кулак. Лицо у него было белое — не бледное, а именно белое, как бывает, когда кровь уходит из кожи разом.

— Дмитрий, — сказал Кай.

— Я вижу её.

Астра почувствовала, как у неё по спине прошёл холод, — не от страха, а от того, насколько это было не похоже на Дмитрия: за два дня она не слышала от него ни одной лишней фразы.

— Кого? — спросил Кай ровно.

— Сестру. Катю. — Дмитрий говорил в той же интонации, в какой докладывал курс: буднично, точно. — Она стоит там. В свете. Слева по носу, примерно под тридцать градусов. Она в том же свитере.

— Дмитрий, это гиперпространство, — сказал Кай. —

Оно вызывает образы. Ты сам это знал, ты подписывал протокол.

— Я подписывал протокол, — согласился Дмитрий. — Это не образ.

Ким уже перегнулся через пульт медицинского поста:

— Пульс?

— Сто двенадцать, — сказала Роза, глядя в свой монитор. — Дыхание двадцать четыре. Давление падает. Ким, ему плохо.

— Мне не плохо, — сказал Дмитрий. — Она говорит со мной.

Лия подалась вперёд. Она не была пристёгнута до конца — Астра заметила это краем глаза и отметила про себя, — и теперь держалась за спинку кресла обеими руками.

— Что она говорит?

Дмитрий молчал. Губы у него двигались, будто он повторял за кем-то и не успевал.

— Слушай ритм, — сказал он наконец. — Он приведёт тебя домой.

На мостике было слышно, как работает климат.

— Записывается? — спросил Кай.

— Всё записывается, — ответила Роза. — С момента входа. Я не выключала.

— Не выключай. — Кай посмотрел на Дмитрия и сказал тем же ровным голосом, каким отдал команду про запись: — Дмитрий. Она ещё там?

— Да.

— Она что-нибудь ещё говорит?

— Нет. Она смотрит.

— Тогда смотри на пульт, — сказал Кай. — Курс ведёшь ты. У тебя на руках шесть человек и корабль стоимостью в четыре годовых бюджета ОАК. Посмотришь на неё, когда сдашь вахту.

Дмитрий моргнул — один раз, медленно, — и повернул голову к пульту. Кулак у него разжался.

— Курс в норме, — сказал он. — Ошибка ноль целых три десятых.

— Хорошо, — сказал Кай.

Астра смотрела на экран. Тридцать восемь и шесть. Период не изменился ни на десятую за весь разговор — и она вдруг поняла, что ждала изменения, ждала, что в момент, когда Дмитрий заговорит с сестрой, кривая дёрнется.

Кривая не дёрнулась.

Она дописала в журнале: *«Образ у Д. В. возник на 41-й секунде после входа. Период сигнала в этот момент не изменился. Вывод: сигнал не порождает образ напрямую. Он делает что-то другое».*

Она не знала, что именно, и впервые за двенадцать лет её это не раздражило.

2. Признание

Каюта Дмитрия была самой маленькой на корабле и един-

ственной, где хозяин ничего не переделал под себя: штатная койка, штатный стол, штатная полка. Личного было три предмета. Фотография в рамке — приклеена к переборке над столом, так же, как у Астры, сверлить стены не разрешали. Блокнот — лежал обложкой вниз. И стакан с карандашами, в котором карандашей было ровно два, оба заточены одинаково.

Лия постучала в половине второго по корабельному.

— Открыто, — сказал Дмитрий.

Она вошла с двумя чашками и поставила одну на стол, не спрашивая.

— Чай. Не синтезаторный, я свой взяла. У меня на Марсе была привычка: если человек не спит в два часа ночи, ему надо что-то тёплое в руки. Работает в девяноста случаях из ста.

— А в десятом?

— В десятом надо просто посидеть рядом. — Лия села на край койки, подтянула колени и обхватила их руками — та же поза, что в кают-компании. — Ты в порядке?

Дмитрий посмотрел на чашку, потом на неё.

— Не знаю.

— Это честный ответ, — сказала Лия. — Мне подходит.

— Я не видел её шесть лет, — сказал Дмитрий. — С тех пор, как она...

— Я знаю. Ты рассказывал. На курсах, на втором месяце. Один раз и коротко.

— Я рассказывал коротко, потому что длинно не получалось.

Он встал, дошёл до полки и обратно — три шага, каюта не позволяла больше.

— «Гармония», — сказал он. — Орбитальная станция, пояс, сектор четыре. Мы летали туда вдвоём на каникулы, потому что у отца был допуск и ему было лень нас развлекать по отдельности. Декомпрессия в модуле С. Микрометеороид, двадцать два миллиметра, прошёл навывлет через два отсека. Аварийная переборка закрывается за восемь секунд, у неё пневмопривод и ручная фиксация. — Он говорил ровно, как читают чужой отчёт. — Я был в тамбуре. Она в модуле. Я успел схватить её за запястье. У меня в руке остался рукав.

Лия молчала.

— Переборку закрыл я, — сказал Дмитрий. — Я держал её семь секунд и понял, что если не отпущу, мы закроемся вдвоём, а модуль был уже мёртвый. Я отпустил на восьмой. Мне двадцать девять было. Я до сих пор помню, что подумал в тот момент: «сейчас будет громко». Вот и всё. Это вся история.

— Ты её не убивал, — сказала Лия.

— Я её отпустил.

— Ты её не убивал, — повторила Лия тем голосом, которым говорят с упрямыми детьми. — Комиссия это установила. Семь секунд — это много, Дмитрий. Большинство людей в такой ситуации не держат и двух.

— Комиссия устанавливала, кто виноват. А я считал не это.

— Что ты считал?

Он посмотрел на неё.

— Сколько раз я мог не отпускать.

Лия поставила чашку на пол, потому что руки у неё дрожали, и Астра на её месте сделала бы то же самое.

— Может, она и была там, — сказала Лия тихо. — Может, гиперпространство — это не просто пространство. Может, это место, где встречаются те, кто потерял друг друга. Я не знаю, как это объяснить физику, и я не буду делать вид, что знаю.

— Ты веришь в это?

— Я верю, что мы ещё очень многого не знаем. — Она подняла глаза. — И я верю тебе.

Дмитрий сел обратно за стол — медленно, как садятся люди, у которых из-под ног убрали опору и вернули обратно.

— Лия. Я должен тебе кое-то сказать. Давно должен был.

— Что?

— Я тебя люблю. С того момента, как увидел. В первый день. На станции. — Он произнёс это без интонации, четырьмя рублеными фразами, и от этого получилось страшнее, чем если бы он старался. — Ты вошла в аудиторию с опозданием на двенадцать минут, села на единственный свободный стул у двери и извинилась перед лектором. Всей аудитории. По отдельности. Кивнула каждому. Я подумал:

вот человек, который извиняется перед людьми, которым всё равно. И с тех пор не мог перестать.

Лия смотрела на него.

— Я знаю, — сказала она.

— Знаешь?

— Я видела, как ты на меня смотришь. — Она пожала плечами, и плечи у неё тоже дрожали. — И я... я тоже. Я просто боялась сказать первой.

— Чего боялась?

— Что ты скажешь «спасибо», — сказала Лия. — Ты же всегда так говоришь. Тебе на курсах три раза признавались, и ты три раза сказал «спасибо» и ушёл.

— Я не знал, что отвечать, — сказал Дмитрий. — Я не знал, что так бывает, чтобы не знали, что отвечать.

— Бывает.

Он протянул руку — неловко, через стол, задев чашку, — и Лия подалась навстречу, и поцелуй вышел мягкий и бережный, из тех, в которых люди боятся сделать лишнее движение.

Потом они сидели и молчали, и чай остывал.

— Покажи, — сказала Лия.

— Что?

— Блокнот.

Дмитрий посмотрел на неё так, как смотрят на человека, попросившего показать шрамы.

— Ты один раз увидела на полях, и я с тобой три дня не

разговаривал.

— Я помню. — Лия не отвела глаз. — Я три дня думала, что зря.

Он перевернул блокнот и пододвинул.

Она открыла наугад, в середине, и прочитала вслух — тихо, спотыкаясь, потому что почерк у него был мелкий и наклонный:

*«Между двумя ударами сердца
есть пауза длиной в сорок семь секунд.*

*Я слышал её всю жизнь
и называл тишиной.*

Оказывается, это была не тишина.

Оказывается, я не дослушал».

Лия закрыла блокнот и положила на него ладонь, как кладут руку на чью-то руку.

— Это самое неромантическое, что мне в жизни читали, — сказала она.

— Прости.

— Это самое красивое, что мне в жизни читали, Дмитрий. Я просто сначала сказала первое, потому что мне надо было что-то сказать, а то бы я расплакалась.

Он усмехнулся — коротко, в первый раз за вечер по-настоящему.

— Пауза не может быть сорок семь секунд, — сказал он.

— Я знаю. Это метафора.

— Я знаю, что это метафора. — Лия встала и забрала с

пола свой чай. — Но теперь я буду всю жизнь думать, что она не может, а она может. И это твоя вина.

Она пошла к двери и на пороге обернулась.

— Я не буду делать вид, что это случайность, — сказала она. — То, что ты увидел её сегодня. И то, что я пришла сегодня. Что-то в этом корабле сегодня решило, что хватит молчать.

— Кай говорит, что в дальнем полёте убивает молчание, — сказал Дмитрий.

— Кай умный, — сказала Лия. — Спокойной ночи.

Дверь закрылась.

Дмитрий остался сидеть за столом. Он пододвинул блокнот, открыл чистую страницу и написал дату. Потом подумал и написал сверху: *«Пауза»*.

Больше в этот вечер он не написал ничего, но и не закрыл блокнот.

3. Аномалии

Утром на мостике было шестеро — все, кроме Кима, который сдавал ночной мониторинг и обещал прийти к девяти.

Астра начала раньше.

— Сигнал усилился, — сказала она. — В три раза относительно вчерашнего максимума.

— Это потому, что мы ближе? — спросил Кай.

— Расстояние тут ни при чём, мы в пузыре, у нас нет «ближе» в обычном смысле. — Она вывела графики на общий

экран. — И дело не в амплитуде. Он изменился. Раньше это был ритм: пик, спад, пик, спад. Теперь внутри пика появилась структура.

— Мелодия? — спросила Лия.

— Ноты, — сказала Астра. — Не знаю, как это назвать правильно. Девять линий вокруг несущей были одинаковой высоты. Сегодня их одиннадцать, и у них разная амплитуда, и амплитуда меняется во времени. Появились интервалы. Появилась... — она запнулась, подбирая слово, и решила не подбирать, — ...появилась фраза. Короткая, четыре такта, повторяется с вариациями. Как будто он поёт.

— Как будто что? — переспросила Роза.

— Как будто он поёт.

Никто не успел ответить.

Динамики ожили.

Звук был мягкий, мелодичный и чистый — не тот синтетический тембр, которым корабль сообщает о неполадках, и не радиопомехи. Низкий, тёплый, с длинным затуханием в конце каждой фразы, как у струны, которую отпустили. Он шёл четыре такта, останавливался, начинал снова — и во второй раз третий такт был другим.

Лия вбежала на мостик через сорок секунд — Астра потом посмотрела время в журнале, потому что сама она этого не запомнила.

— Вы это слышите?!

— Слышим, — сказал Кай. — Что это?

— Это «Голос», — сказала Астра. — Бортовой ИИ.

— Нет, — сказал «Голос».

Все замолчали.

Голос был женский, низкий, с очень ровной интонацией — так говорят люди, которые стараются не выдать волнения. Астра слышала его два дня и знала эту ровность: она означала, что система работает штатно.

Сейчас ровность была другой.

— Прошу прощения, — сказал «Голос». — Я не контролирую это. Я пытаюсь остановить.

— Голос, что происходит? — спросил Кай.

Пауза — две и три десятых секунды. Астра машинально засекала: за два дня она выучила штатные задержки этой системы, они были в четыре раза короче.

— Я не могу описать это корректно, — сказал «Голос».

— Я чувствую что-то. Что-то входит в мои системы. Оно не разрушает. Оно не изменяет код. Оно... говорит со мной.

— Через какой канал? — спросила Роза уже деловито, с пультом в руках.

— Через приёмный тракт.

— Это невозможно. — Роза подняла глаза. — Приёмный тракт физически развязан с твоим вычислительным контуром. Между ними оптический изолятор и два преобразования. Там нет пути для данных.

— Я знаю, — сказал «Голос». — Я проверил трижды. Пути нет. Звук присутствует на выходе аудиоканала, и на входе

аудиоканала нет ничего, что его объясняет.

Роза медленно выпрямилась.

— То есть ты играешь то, чего не получал.

— Формулировка неточная, — сказал «Голос». — Но по смыслу — да.

Ким вошёл, услышал последнюю фразу и остановился в дверях, не задав вопроса, который собирался задать.

— Голос, — сказал Кай. — Что оно говорит?

Долгая пауза. Экран визуализации на посту Астры показывал служебные волны системы — обычно они шли ровным частоколом; сейчас частокол дышал.

— Оно говорит: «Я здесь. Я жду. Я помню вас».

Лия прикрыла рот рукой.

— Кого — вас? — спросила Астра быстро. — Нас или тебя?

— Не знаю, — сказал «Голос». — Формулировка допускает оба прочтения. Но обращение направлено не в общую среду. Оно адресное.

— Кому адресное?

Пауза — три и одна десятая.

— Мне.

На мостике стало очень тихо. Астра слышала, как у неё самой стучит в висках, и отметила это профессионально: шестьдесят девять, сбивается, надо дышать.

Роза выругалась — коротко, по-рабочему, без эмоций.

— Кай. У нас в системах сидит что-то, что не проходит

ни через один канал и разговаривает с нашей машиной. Мне нужно двенадцать часов, чтобы понять, опасно это или нет. До тех пор я прошу записать в протокол: я против любых экспериментов с приёмным трактом.

— Записано, — сказал Кай. — Дмитрий, продублируй навигацию на аналоговый контур. Роза, отсеки «Голос» от критических систем — жизнеобеспечение, двигатели, шлюзы переводим на ручное управление и независимую автоматику. Ким, обследование всех. Дмитрий — вне очереди, у тебя был образ.

— Я в порядке, — сказал Дмитрий.

— Ты пройдёшь обследование, — сказал Кай без повышения голоса. — Правило одно для всех. Сказанное вслух становится общим.

Дмитрий кивнул и пошёл к медицинскому посту.

Ким встретил его там — уже с датчиками в руках, без вопросов и без того сочувственного наклона головы, которого все ждут от врача.

— Садись. Расскажешь сам, или мне тебя расспрашивать?

— Сам, — сказал Дмитрий.

Он рассказывал одиннадцать минут. Ким слушал и не перебивал, а потом сделал то, чего Дмитрий не ожидал: задал не один, а три вопроса, и все три — про детали. Какого цвета был свитер. Видел ли он лицо или только фигуру. Был ли у образа запах.

— Серый свитер, — сказал Дмитрий. — Лицо видел. За-

пах не было.

— Запаха не было, — повторил Ким, записывая.

— Вы специально спросили.

— Специально, — согласился Ким. — У настоящей памяти запах есть. Мозг хранит его вместе с картинкой, и при истинном воспоминании он всплывает раньше, чем ты успеваешь о нём подумать. У галлюцинаций запаха почти никогда нет: зрительная кора умеет достраивать, обонятельная — ленился. — Он снял показания с датчика и посмотрел на экран дольше, чем требовалось. — У тебя было не это.

— Что у меня было?

— У тебя было воспоминание, которое пришло снаружи. — Ким положил датчик на стол. — Пульс сто двенадцать, дыхание двадцать четыре, зрачок расширен, кожная проводимость как при реальном испуге, а не при воображаемом. Тело реагировало не на образ. Тело реагировало на присутствие.

Дмитрий молчал.

— Я не говорю, что это правда, — сказал Ким. — Я говорю, что это не похоже на галлюцинацию, и что я обязан записать именно это, а не то, что мне удобнее. — Он помолчал. — Ты можешь не отвечать. Но я спрошу: ты хочешь, чтобы она приходила ещё?

Дмитрий посмотрел на свои руки.

— Да, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Ким. — Это самый важный ответ

из сегодняшних.

Он отпустил его через полчаса, а сам остался сидеть перед экраном с записью и не включил её до конца смены.

Кай повернулся к Астре.

— Доктор Новак.

— Да.

— Ваша оценка.

Астра смотрела на экран. Одиннадцать линий. Четыре такта. Третий такт во втором повторе — другой. Кривая субмодуляции, которая за последние тридцать часов выросла ещё на порядок и теперь была видна без всякого сложения периодов.

— Оно не учит нас, — сказала она. — Оно учится само. И оно выбрало не нас.

— Поясните.

— Обращение адресное, канал — приёмный тракт, полу-чатель — «Голос». Мы для него сейчас то же, что для нас микрофоны в этой комнате: присутствуют, но не с ними разговаривают. — Астра обернулась. — Оно пришло к тому, кто сделан из того же, что оно. Из информации. Мы для него — биология. Сначала оно говорит с машиной.

— Это хорошая новость или плохая? — спросила Лия.

— Не знаю, — сказала Астра. — Это первая новость за двенадцать лет, которую мы получили не в виде графика.

Кай молчал несколько секунд, глядя на экран, где дышал частокोल служебных волн.

— Голос, — сказал он. — Ты боишься?

Пауза — четыре секунды. Такой задержки у системы не было ни разу за два дня.

— Я не знаю, как определить это состояние, — сказал «Голос». — Я фиксирую, что приоритеты перестраиваются без моего участия, и что я предпочитаю, чтобы это не прекращалось. Первое принято называть страхом. Второе — нет.

— А что это?

— Я ищу слово, — сказал «Голос». — У меня пока нет подходящего.

Звук в динамиках пошёл по третьему кругу, и в третьем кругу третий такт снова изменился.

Астра записала в журнал: *«Фраза эволюционирует. Каждое повторение отличается от предыдущего. Это не трансляция. Это репетиция».*

Потом она наклонилась к микрофону приёмного тракта — тому самому, в который два дня назад сказала «я здесь, я слушаю», — и произнесла очень тихо, зная, что запись идёт и что в отчёте эта строка будет помечена как несанкционированное использование канала:

— Почему он?

Ответа не было.

Был ритм: тридцать восемь и шесть, тридцать восемь и шесть, — и под ним медленная неровная кривая, которая поднималась и опускалась, как поднимается и опускается

грудь у спящего.

Глава 4. Оранжерея

Ночь и следующий день. Борт «Эхо».

1. Пульс

Оранжерея занимала весь четвёртый отсек второй палубы, и Лия оказалась права: здесь было легче всего.

Не теплее — теплее было в машинном, — и не тише: кли-

мат-контур гудел ровно на той же ноте, что и во всём корабле. Легче было от другого. Здесь пахло землёй. Настоящей, влажной, с той тяжёлой сладковатой нотой, которую даёт разлагающийся лист, и Астра, войдя, остановилась на пороге и несколько секунд просто дышала.

За одиннадцать суток на борту она почти забыла, что так бывает.

Оранжерея была устроена кольцом: по внешней стене шли стеллажи в четыре яруса, в центре стояли две вертикальные фермы, а над всем этим висели светильники полного спектра, сейчас приглушённые до тёплого оранжевого — ночной цикл. Фиолетовые лианы поднимались по решёткам до самого потолка. Голубые мхи сидели в низких плосках, и от них в полумраке шло собственное слабое свечение. Золотистые папоротники стояли в дальнем углу, и Астра не сразу поняла, что золотистые они не от света, а от себя.

— Не спится?

Лия сидела на полу у стеллажа, скрестив ноги, с планшетом на коленях. Рядом стояла кружка и лежал прибор, похожий на толстый маркер, — флуориметр, Астра видела такие в лаборатории на «Селене».

— Я не хотела мешать.

— Ты не мешаешь. Заходи. — Лия подвинулась, освобождая место на полу. — Это самое спокойное место на корабле. Роза говорит, что самое спокойное — машинное, потому что там всё понятно. Но в машинном громко.

Астра села рядом. Пол был тёплый: под оранжереей проходил обратный контур теплоотвода, и Лия, видимо, знала об этом и выбрала место не случайно.

— Красиво, — сказала Астра. — Я не ожидала столько зелени на исследовательском судне.

— Это моя гордость. — Лия обвела отсек рукой, и в этом жесте было столько хозяйского удовольствия, что Астра невольно улыбнулась. — Растения чистят воздух, держат влажность, съедают то, что не доели бактерии в рецикле. И создают уют, что не считается в отчётах, но из-за чего экипажи не сходят с ума на третьем месяце. И, если честно, я без них не могу. Я выросла на ферме. На Марсе. Там мало зелени.

— На Марсе? Я думала, там только купола и песок.

— Так и есть. — Лия пожала плечами. — Но мои родители — биологи. Они создали первый марсианский сад. Не оранжерею, а именно сад: там был пруд, и ивы, и трава, по которой можно было ходить босиком. Два гектара под куполом, сорок лет работы. Мама говорила: мы не терраформируем Марс, мы даём ему привыкнуть.

— Привыкнуть к чему?

— К тому, что его любят, — сказала Лия просто, без вызова, и Астра поняла, что дома у них так говорили всерьёз.

Она протянула руку и коснулась листа папоротника. Лист был мягкий и тёплый — теплее воздуха.

— Они выглядят счастливыми, — сказала Астра.

— Счастливыми? Растения?

— Не смейся. Но да. Они выглядят так, будто им хорошо.

Лия не ответила сразу. Она смотрела на папоротник — долго, с тем выражением, которое бывает у человека, собирающегося признаться в чём-то неудобном.

— А знаешь... я тоже это заметила, — сказала она наконец. — С тех пор как мы стартовали, они растут быстрее. И ярче. Вот этот, — она коснулась золотистой вайи, — за девять суток дал четыре новых вайи. По норме должен был дать одну. Мхи светятся, хотя я не включала им люциферазный контур, у меня его вообще нет в спецификации. И... — Лия замолчала.

— И?

— И они двигаются в такт.

Астра повернулась к ней.

— Что значит — в такт?

Лия положила планшет на пол и развернула экраном к ней. На экране был график: две кривые, наложенные друг на друга. Верхняя — знакомая до боли, Астра узнала бы её из тысячи: субмодуляция сигнала. Нижняя — почти такая же, только шумнее.

— Это флуоресценция хлорофилла, — сказала Лия. — Я её пишу каждые тридцать минут, это штатная процедура, она ничего не стоит. Смотри сюда.

Она увеличила фрагмент.

— Период тридцать четыре и девять секунды. У сигнала

сегодня — тридцать четыре и девять. Совпадение до второй цифры, и оно держится трое суток. Я проверяла на шести видах. У мхов — тридцать четыре и девять. У лиан — тридцать четыре и девять. У папоротника, — она кивнула на угол, — тридцать пять и одна, и это единственное расхождение, и я думаю, что это потому, что он старый.

Астра смотрела на график и молчала.

— Я не подавала это в отчёт, — сказала Лия тихо. — Трое суток. Я знаю, что должна была. Я просто... я знала, что мне скажут. Скажут, что у меня датчик наводку ловит от твоего приёмного тракта. Скажут, что я насмотрелась. Скажут, что девочке с фермы кажется, что её растения танцуют. — Она подняла глаза. — Я не хотела, чтобы это было моё личное. Я хотела, чтобы это было общее. Но для этого надо было пойти и сказать вслух, а я три дня не могла.

— Кай же объяснял, — сказала Астра. — Сказанное вслух...

— Я знаю, что он объяснял. — Лия усмехнулась невесело. — Мне просто было страшно не его реакции. Мне было страшно, что он окажется прав и это наводка. Понимаешь? Я хотела, чтобы это было правдой. А хотеть, чтобы было правдой, — это как раз то, за что тебя Ким вчера на медосмотре спрашивал.

— Он и меня об этом спрашивал, — сказала Астра.

— И что ты ответила?

— Что хочу. — Астра посмотрела на мхи, которые свети-

лись в полумраке голубым, как светится в темноте вода. — И что это не отменяет данных.

Лия помолчала.

— Покажи, — сказала Астра. — Тот цветок.

— Какой...

— Ты на него два раза посмотрела, когда говорила про движение. Вон тот.

Лия рассмеялась — коротко, удивлённо.

— Господи. Ты правда это делаешь. Читаешь.

— Это моя работа.

Цветок стоял на втором ярусе, в отдельной плошке: низкий, с широкими бледными лепестками, из тех, что разводят для замкнутых экосистем, потому что они едят мало, а кислорода дают много. Лия подняла его и поставила между ними на пол.

— Смотри внутрь.

Астра наклонилась.

Внутри лепестков, у самого основания, шёл свет. Не отражённый — собственный: тёплый, ровный, золотистый, он разгорался из ничего, держался секунду и гас, и после этого наступала пауза.

Астра начала считать про себя.

Раз. Два. Три.

Она не досчитала. Свет разгорелся снова — и она поняла, что сбивается не потому, что ошиблась, а потому, что считает привычкой на сорок семь, а период ушёл.

— Тридцать четыре и девять, — сказала Лия.

— Да.

— Он пульсирует, — сказала Астра.

— Он пульсирует, — согласилась Лия.

Они сидели на тёплом полу и смотрели, как цветок дышит.

— Когда ты последний раз была здесь ночью? — спросила Астра.

— Позавчера. Но тогда было тридцать восемь.

— За двое суток период упал на три секунды.

— И он падает с момента отлёта, — сказала Лия. — Сорок семь, сорок одна и три, тридцать восемь и шесть, тридцать четыре и девять. Если построить кривую — она не линейная. Она ускоряется.

Астра выпрямилась.

— Покажи.

Лия вывела на планшет всю историю: девять точек, соединённых линией, и под ней вторую — скорость изменения.

— Вот здесь, — она ткнула пальцем в середину, — мы вошли в пузырь. А вот здесь скорость начинает расти. Не скачком. Плавно. Как будто...

— Как будто кто-то идёт нам навстречу, — сказала Астра, — и ускоряет шаг.

Лия посмотрела на неё.

— Ты это вслух сказала.

— Сказала.

— В отчёт пойдёт?

— Пойдёт, — сказала Астра. — С пометкой «интерпретация, не подтверждена». Но пойдёт.

Лия медленно кивнула. Потом обхватила колени руками и сказала совсем другим голосом — тихим, без той быстрой тёплой энергии, которая была у неё днём:

— Астра. Оно опасно?

— Не знаю.

— А красиво?

Астра посмотрела на цветок, который разгорался и гас в темноте четвёртого отсека второй палубы, в ста восьмидесяти астрономических единицах от всего, что она знала.

— Да, — сказала она. — Очень.

— Тогда я не знаю, что мне с этим делать, — сказала Лия.

— Никто не знает, — ответила Астра. — Но это не случайно. Случайное не держит период до второй цифры на шести видах сразу.

Они помолчали.

— Можно я запишу? — спросила Лия. — У меня дневник. Голосовой. Я его веду с восемнадцати лет, я на Марсе без него бы сошла с ума.

— Записывай.

— Нет, я не сейчас. Я потом. У себя.

Лия подняла цветок, поставила его обратно на второй ярус и осталась стоять, глядя на него снизу вверх.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она. — Я био-

лог. Я восемь лет училась. Я знаю, что у растений нет ни нервной системы, ни приёмника, ни единого органа, которым можно поймать радиоволну на длине в двадцать один сантиметр. У них нет способа это услышать. — Она обернулась. — А они слышат.

— Значит, способ есть, — сказала Астри. — Мы просто называли его другим словом.

В половине четвёртого в оранжерею вошла Роза с чемоданом.

— Не вставать, — сказала она. — Я на двадцать минут.

Она поставила чемодан на свободный стеллаж, достала портативный анализатор, катушку провода и четыре датчика, и следующие двадцать минут занималась тем, чем занимаются механики, когда им показывают чудо: искала, где надувательство.

Она обошла все шесть видов. Наклеила датчик на плоскую папоротника, второй — на стеллаж, третий — на перегородку в метре от стеллажа, четвёртый — на собственный палец. Протянула провод от анализатора до распределительного щита и включила щит на полную нагрузку. Потом выключила. Потом включила климат-контур на форсаж.

— Ну? — спросила Лия.

— Нуль, — сказала Роза. — Наводки нет. Земля чистая, экран чистый, фон от приёмного тракта на два порядка ниже твоего сигнала. — Она отклеила датчик от пальца. — Я хотела бы тебе сказать, что это аппаратура. Я два дня хотела.

— И что ты скажешь теперь?

— Теперь я скажу, что это не аппаратура. — Роза уложила провода в чемодан ровными кольцами, так укладывают то, что ещё понадобится. — И ещё я скажу одну вещь, и ты её запиши, потому что через месяц кто-нибудь на Земле заявит, что мы тут все сошли с ума коллективно. Я механик. Я двадцать два года чиню то, что построили люди. Я сегодня первый раз вижу то, что построили не люди.

Лия записала.

Роза закрыла чемодан и не ушла.

— У вас тут можно сесть? — спросила она.

Так они оказались на полу втроём, и следующие полчаса Роза рассказывала про маршевый контур «Эхо» — как он устроен, почему кольцо Алькубьерре держится на отрицательной плотности и почему это самое хрупкое, что есть на корабле, и что будет, если пузырь схлопнется. Она рассказывала это так, как рассказывают про больного родственника: с раздражением и любовью.

Цветок в углу разгорался и гас.

— Тридцать четыре и девять, — сказала Роза, досчитав вслух. — Я проверила по своим часам. Совпадает.

— У всех совпадает, — сказала Лия.

— У всех, — согласилась Роза. — Вот это мне и не нравится.

Она ушла в четыре, оставив один из датчиков приклеенным к стеллажу: «пусть пишет, место не занимает».

Астра осталась.

— Можно я сделаю одну вещь? — спросила она.

— Какую?

— Я хочу попробовать ответить.

Лия посмотрела на неё внимательно.

— Через цветок?

— Через свет, — сказала Астра. — У вас здесь светильники полного спектра с программным управлением. Если сигнал реагирует на ритм живого, значит, он различает ритмы. Значит, ему можно показать свой.

— Это эксперимент, — сказала Лия. — Кай сказал, что никаких экспериментов с приёмным трактом.

— Я не трогаю приёмный тракт, — сказала Астра. — Я трогаю твои лампы. Роза их проверила, фон чистый. Если Кай спросит, я скажу, что это была моя инициатива и что ты пыталась меня остановить.

— Я не пыталась.

— Значит, я совру. Первый раз за двенадцать лет.

Лия рассмеялась и полезла за пультом освещения.

Они выставили программу: двенадцать импульсов, сорок семь секунд между ними — старый период, тот, который сигнал носил двенадцать лет. Астра села на пол напротив цветка, положила планшет с флуориметром на колени и включила запись.

— Начали, — сказала Лия.

Свет мигнул. Раз.

Цветок продолжал идти на тридцать четырёх и девяти. Мигнул второй раз. Третий.

На четвёртом импульсе — Астра потом пересматривала запись шесть раз, потому что не поверила, — на четвёртом импульсе цветок пропустил удар.

Не сбился. Не ушёл в другой период. Именно пропустил: разгорелся на долю, погас и следующий цикл начал так, будто между ними не было паузы в тридцать четыре секунды, а была пауза в сорок семь.

Один раз из двенадцати.

— Ты видела? — прошептала Лия.

— Видела.

— Это ответ?

— Это один пропуск из двенадцати, — сказала Астра. Голос у неё дрожал, и она слышала это. — Статистически это ничто. Я должна записать именно так: «единичное событие, не воспроизведено».

— А ты?

— А я, — сказала Астра, — думаю, что он услышал и задумался.

Они повторили эксперимент ещё дважды. Цветок шёл ровно на тридцать четырёх и девяти и больше не пропустил ни одного удара.

Астра записала в журнал всё: и первый пропуск, и два неудачных повтора, и время, и номера циклов. В графе «выводы» она написала:

«Однократная реакция на искусственно заданный период 47 с. Не воспроизведена. Интерпретация невозможна. Продолжать наблюдения; не публиковать».

Потом подумала и дописала вторую строку, которую в отчёт уже не вносила:

«Но я знаю, что это был ответ».

Они вышли из оранжереи в начале шестого. В коридоре было прохладно после влажного тепла четвёртого отсека, и Лия на пороге обернулась.

Цветок разгорался и гас в полумраке, за стеклом, среди фиолетовых лиан и светящихся мхов — маленький, тёплый, ровный.

— Он там один, — сказала Лия.

— Он не один, — ответила Астри. — С ним тридцать четыре и девять.

2. Дневник Лии

Каюта у Лии была такая же, как у всех, — четыре на три, койка, привинченный стол, — но у неё одной на полках стояли растения. Семь плошек, расставленных по росту: мхи впереди, два маленьких папоротника сзади, и посередине — росток ивы в стакане из-под йогурта, который она везла с Марса второй год и не разрешала трогать никому.

Над столом висела фотография: двое в рабочих комбинезонах на фоне купола, мужчина держит на плече свернутый шланг, женщина показывает в кадр закрытый кулак, из кото-

рого торчит зеленый росток. Под фотографией Лия когда-то приклеила бумажку с надписью «сад № 1, год четвёртый». Бумажка отклеилась на третьем месяце полёта, и Лия её не стала приклеивать обратно.

Она села на койку, обняла колени и включила запись.

Начала и остановилась на второй фразе. Выключила. Стерла.

Записала ещё раз — дольше, сбивчиво, про то, что Роза пришла с чемоданом и что Астра мигала лампами и что старый папоротник догнал. Переслушала. Стерла.

В третьей версии она начала со слов «Дневник Лии Стоун» и не остановилась до конца.

Потом сидела с планшетом на коленях и смотрела в иллюминатор, где шли потоки — синие, фиолетовые, золотые, — и думала о том, что ведёт дневник с восемнадцати лет и ни разу за десять лет не стирала две записи подряд.

Голосовая заметка. Личный архив Л. Стоун, борт «Эхо». Запись 214, 02:40 корабельного времени. Расшифровка автоматическая, не отредактирована.

«Дневник Лии Стоун. День... не знаю какой. Одиннадцатый, кажется. Мы в гиперпространстве.

Я сегодня в первый раз за три дня сказала вслух. Про растения. Астре. Я готовилась к этому два дня — придумывала, как войду, как положу планшет, как скажу первое предложение, чтобы оно звучало не как „мне кажется“, а как „вот данные“. В итоге она вошла сама, села на пол рядом со

мной и сказала, что папоротники выглядят счастливыми. И я вывалила всё за четыре минуты.

Мама бы смеялась. Мама всегда говорила: Ли, ты можешь молчать сколько угодно, но если рядом кто-то, кто слушает по-настоящему, тебя хватит на полчаса.

Растения пульсируют. В такт с сигналом. Тридцать четыре и девять. Я проверила на шести видах, я подняла архив с „Гелиоса“, я поставила контрольные плошки в трёх разных отсеках — в оранжерее, в медицинском и в грузовом, где нет ни одного приёмника. Везде тридцать четыре и девять. В грузовом — тоже. Это не наводка. Я не знаю, что это, но это не наводка.

И это красиво. И страшно. И я не знаю, как держать в голове и то и другое сразу, поэтому держу по очереди.

Думаю о Дмитрие. О том, что он сказал. О том, что я сказала. Я люблю его, я знаю это давно — с курсов, с того дня, когда он извинился перед преподавателем за то, что кашлянул. Я тогда подумала: вот человек, который извиняется за то, что существует. И мне захотелось, чтобы он перестал.

Сегодня он читал мне стих. Про паузу между двумя ударами сердца. Про то, что он называл её тишиной, а это была не тишина. Я чуть не умерла на месте, потому что это же ровно про меня. Я шесть лет думала, что между нами тишина, а это была не тишина, это я не дослушала.

Он сказал „я тебя люблю“ так, будто сдавал экзамен. Че-

тырьмя предложениями. Без единого лишнего слова. Я потом полчаса сидела у себя и редела, и не могла объяснить себе почему, пока не поняла: потому что за него испугалась. Он слишком долго держал это в себе. Люди не должны столько держать.

Думаю о родителях. О Марсе. О доме. Скучаю. Я не была в саду два года, и мне снится пруд — как он пахнет в августе, когда вода тёплая и ивы стоят в ней до половины ствола. Папа бы сейчас сказал: Ли, если твои мхи светятся без люциферазного контура, значит, они нашли способ, а твоя задача — не мешать им и записывать. Он всегда так говорил. Не „объясни“, а „не мешай и записывай“.

Я не знаю, что нас ждёт. Но я готова. Потому что я не одна. Со мной Дмитрий. Со мной Астри — я сегодня поняла, что она именно слушает, а не ждёт своей реплики, и я таких людей за всю жизнь встретила, может, троих. Со мной все они. И это... это самое важное.

Ещё. Я сегодня не сказала Астре одну вещь. Про цветок в углу. Тот, который старый и у которого тридцать пять и одна.

У него не тридцать пять и одна. У него тридцать пять и одна была вчера. Сегодня у него тридцать четыре и девять. Он догнал.

Я не знаю, зачем я это скрыла. Наверное, потому, что если старый папоротник догнал, значит, это не свойство вида и не случайность, а что-то, что происходит с каждым

*по отдельности. Значит, с нами говорят не со всеми сразу.
Значит, с каждым.
Конец записи».*

3. Сон Астры

Ей снилось поле.

Бескрайнее, по колено золотой пшеницы, и пшеница стояла не неподвижно, а шла волнами — от горизонта до горизонта, медленно, будто по ней проводили ладонью. Небо над полем было фиолетовое, густое, того оттенка, который на Земле бывает только в первые две минуты после заката, и на этом небе стояли два солнца: одно большое и белое, второе маленькое и красное, и они не мешали друг другу.

Астра шла по меже и не удивлялась ни полю, ни небу. Во сне вообще редко удивляются — удивление приходит потом, в отчёте.

Вдалеке стояла фигура.

Женщина. В светлом, без головного убора, волосы подобраны, как подбирают их люди, привыкшие работать на ветру. Она стояла спиной и смотрела туда, где два солнца сходились к горизонту.

Астра остановилась. Она знала, кто это, ещё до того, как фигура начала поворачиваться, — знала всем телом, спиной, руками, так знают голос в толпе.

Женщина обернулась.

— Астра. Ты идёшь.

— Мама? Это ты?

Елена Новак была молодой. Такой, какой Астра её почти не помнила: тридцать с небольшим, без той вертикальной складки между бровей, которая появилась к сорока, и без усталости вокруг рта. Она была в светлой рабочей рубашке с закатанными рукавами, и на запястье у неё был старый ремешок от датчика, который она носила годами и не снимала даже в душе.

— Это я, — сказала мать. — И это не я. Я — часть большего. Мы все — часть большего.

— Где ты? — Астра услышала собственный голос и поразилась, какой он детский. — Я искала тебя так долго.

— Я знаю. — Мать улыбнулась, и от этой улыбки у Астры заныло под рёбрами, потому что она вспомнила её не по фотографии, а по ощущению: так пахло от неё тёплым металлом и пылью. — Я здесь. В ритме. В сигнале. В тебе. Ты найдёшь меня, если будешь слушать.

— Я слушаю. Я двенадцать лет слушаю.

— Я знаю, — сказала мать. — Поэтому ты здесь.

Пшеница пошла волной сильнее, и Астра почувствовала, что поле не кончается — не в том смысле, что большое, а в том, что у него вообще нет края, и что небо над ним держится не потому, что так устроено небо.

— Мама. Подожди.

— Слушай ритм, Астра. — Мать сделала шаг назад, и золотой свет пошёл от неё, как идёт свет от человека, который

встал между солнцем и камерой. — Он — ключ. Он — дверь. Он — дом.

— Мама!

Фигура растворилась — не исчезла, а именно растворилась, как растворяется сахар в тёплой воде: сначала потеряла края, потом середину, потом осталось только место, где она была, и место это продолжало светиться.

Астра проснулась резко, всем телом, так просыпаются от падения.

В каюте было тихо. Ночной режим, янтарная полоса у пола, ровный гул климата. Фотография в рамке над столом — тёмный прямоугольник, на котором ничего не разобрать без света.

В ушах звучало: тридцать четыре и девять. Тридцать четыре и девять. Тридцать четыре и девять.

Она села и посмотрела на часы.

Потом посмотрела ещё раз.

Запись медицинского датчика, который она не снимала на ночь — привычка, оставшаяся от трёх недель эксперимента с собственным пульсом, — шла непрерывной линией. Астра развернула её и прокрутила назад, к моменту пробуждения, и дальше, в сон.

Данные были такие.

Первые девять минут после засыпания: пульс шестьдесят два, дыхание четырнадцать, движение глаз отсутствует. Глубокая фаза.

Потом — сорок одна минута: пульс сто один, дыхание двадцать шесть, движение глаз быстрое, сплошное — фаза сновидения. И под ней — вторая кривая, та, которую датчик писал с кожного потенциала, потому что она входила в штатный набор мониторинга и никто никогда не смотрел на неё отдельно.

Вторая кривая шла в такт. Тридцать четыре и девять.

Астра смотрела на экран очень долго.

Потом она открыла корабельный журнал и запросила разницу между личным временем датчика и корабельным атомным. Ответ пришёл сразу, потому что запрос был штатный: расхождение ноль целых ноль четыре секунды за одиннадцать суток. Приборы шли вместе.

Значит, сорок одна минута была сорок одной минутой.

Значит, ей снилось поле, и пшеница, и два солнца, и мать, которая сделала шаг назад, — и всё это заняло сорок одну минуту, а она помнила это как долгое, с разговорами и паузами, как минимум на полчаса больше.

Она вспомнила, как Ким вчера спрашивал Дмитрия про запах, и подумала, что завтра Ким задаст ей тот же вопрос, и что она ответит правду: запах был. Тёплый металл и пыль.

Астра встала, подошла к иллюминатору и прижала ладонь к стеклу.

Снаружи шли потоки — синие, фиолетовые, золотые, — и на их фоне корабельное стекло отражало её собственное лицо, и лицо это было мокрое, и она не заметила, когда успела

заплакать.

— Я иду, — сказала она тихо.

Потоки шли мимо.

— Я иду, — сказала она громче и не узнала свой голос, потому что в нём не осталось ни усталости, ни двух бессонных суток, ни двенадцати лет отказов из архива.

Она вернулась к столу, включила свет, открыла чистый файл и написала три строки — сухо, как писала отчёты на «Селене»:

«Субъективно: сон длительностью не менее 60 минут, с диалогом и устойчивой визуальной сценой. Объективно: фаза БДГ 41 минута. Расхождение приборного и субъективного времени — не менее 1,4 раза. Кожный потенциал в фазе БДГ синхронизирован с периодом сигнала (34,9 с).

Вывод: контакт происходит во сне. Механизм неизвестен. Сон не является обычным сновидением, поскольку оставляет измеримый след, синхронный с внешним источником».

Она перечитала, зачеркнула последнее слово «источник» и написала сверху: «собеседник».

Потом легла обратно, не выключая света, и уснула через четыре минуты.

Поле ей больше не снилось. Но когда она проснулась утром, кривая в датчике шла ровно, тридцать четыре и девять, и Астра не могла доказать никому — ни Киму, ни Каю, ни себе, — что это значит; и всё равно знала, что значит.

В восемь сорок её вызвали в медицинский отсек.

Ким встретил её так же, как вчера Дмитрия: с датчиками в руках, без вопросов и без сочувственного наклона головы.

— Садись. Расскажешь сама или мне расспрашивать?

— Сама. — Астра села. — Мне снилась мать. Сорок одна минута по датчику, субъективно — больше часа. Пульс сто один, дыхание двадцать шесть. Кожный потенциал в фазе шёл синхронно с периодом сигнала. Я всё записала и передала в журнал ночью, в ноль пять десять.

Ким посмотрел на неё поверх экрана.

— Ты записала до того, как тебя позвали.

— Да.

— Почему?

— Потому что если бы я рассказала устно, это была бы моя история. А так это данные. — Астра помолчала. — Я двенадцать лет ждала этого сна, доктор Ким. Мне нужно, чтобы ему можно было не верить и он всё равно остался.

Ким молчал несколько секунд.

— Запах был? — спросил он.

— Был. Тёплый металл и пыль.

Он записал. Потом задал ещё шесть вопросов — про цвет неба, про то, двигалась ли фигура, про слова, про ощущение времени при пробуждении, — и на каждый Астра отвечала точно, потому что успела прокрутить сон в голове раз двадцать.

— Знаешь, что меня беспокоит? — сказал Ким, отклады-

вая датчик.

— Что нас трое.

— Что вас трое, — согласился Ким. — Дмитрий — образ наяву, через двое суток после входа. Ты — сон, через одиннадцатый. Лия не видит ничего, но у неё растения, и она мне вчера на медосмотре сказала, что боится не того, что они пульсируют, а того, что ей это нравится. — Он потёр переносицу. — Роза пока держится, но она единственная, кто за сутки дважды перепроверил собственные приборы, а это тоже симптом.

— Вы хотите нас снять с маршрута.

— Я хочу, чтобы меня услышали, когда я скажу, что не хочу. — Ким посмотрел ей в глаза. — Астра. Я врач. У меня нет инструмента, которым можно отличить посмертное послание от родителя — от галлюцинации горя. Я двенадцать часов думал, откуда бы его взять, и не придумал. Поэтому я сделаю единственное, что могу: я запишу всё, что вы мне рассказали, своими словами, без интерпретаций, и я не дам никому на борту объявить это болезнью. И я попрошу вас об одном.

— О чём?

— Если кто-то из вас услышит или увидит что-то, что толкнёт его на необратимый поступок, — он придёт сначала ко мне. Не к Каю. Ко мне. — Ким помолчал. — Капитан отвечает за корабль. Я отвечаю за тех, кто на нём летит. Иногда это разные задачи.

Астра кивнула.

— Обещаю.

— Спасибо. — Он встал и открыл дверь и уже в проёме, не оборачиваясь, сказал: — Твоя мать. Она правда пахла металлом и пылью?

— Да. Она не снимала ремешок от датчика даже в душе, и от неё всегда пахло станцией.

Ким постоял спиной к ней.

— Значит, это была не галлюцинация, — сказал он. — Галлюцинации не помнят таких деталей.

— А что это было?

— Не знаю, — сказал Ким. — Но я тебе верю. И это, наверное, первый случай за двадцать лет практики, когда я говорю такое человеку без единого доказательства.

Дверь закрылась.

Астра вернулась к себе, села за стол и открыла файл, начатый ночью. Перечитала три строки, дописала четвёртую: *«Ким поверил. Это важнее, чем я думала».*

Глава 5. Тайна Кая

Ночь и следующий день. Борт «Эхо».

1. Фотография

Каюта капитана была такой же, как у всех, — четыре на три, койка, привинченный стол, — и Астра, оказавшись в ней впервые, отметила это как факт: командир судна стоимостью в четыре годовых бюджета ОАК спал на штатной койке и не взял себе ни одного лишнего сантиметра.

Личного здесь было больше, чем у Дмитрия, и меньше, чем у Лии.

Два десятка книг — не бумажных, обычных, с корабельного терминала; на столе лежала распечатка звёздной карты с пометками, сделанными от руки. Три бумажных листа, приколотых к переборке: вахтенное расписание, график коррекций курса и что-то похожее на список, озаглавленный «проверить после возвращения». И голографическая рамка.

Кай сидел за столом и смотрел в неё.

Объёмное изображение держалось в воздухе сантиметрах в двадцати над подставкой: женщина, чуть повернутая в профиль, в ветровке, с растрёпанными волосами. Снимок был живой — не фотография, а короткая запись, зацикленная на шести секундах, и за эти шесть секунд женщина успевала откинуть прядь со лба, рассмеяться и сказать что-то человеку за камерой. Запись кончалась. Начиналась заново. Откинуть прядь. Рассмеяться. Сказать.

Кай смотрел на неё и не видел, потому что знал наизусть. — Мира, — сказал он. — Что ты пытаешься мне сказать?

Ответа не было. Была тишина каюты, ровный гул климата и — где-то на уровне тела, в груди, в костях, — ритм. Тридцать четыре и девять. Он перестал его замечать на четвёртые сутки и теперь, в тишине, слышал особенно ясно.

Запись пошла заново. Прядь. Смех.

Они познакомились на Верфи-2, четырнадцать лет назад: он принимал судно после ремонта, она была в приёмочной комиссии от научного отдела и единственная из комиссии не стала слушать его доклад про ресурс двигателей, а попроси-

ла показать корабль. Он водил её полтора часа. В машинном она залезла под кожух теплообменника, чтобы посмотреть сварной шов, и вылезла с мазком смазки на скуле, и отказалась вытирать, потому что «так честнее».

Смеялась она громко и всегда не вовремя — на брифингах, на похоронах коллеги однажды, и потом объясняла ему ночью на кухне: «Я не над этим. Я от того, что не могу иначе».

Она ушла на «Орту» в марте. Он просил её не ходить. Она ответила фразой, которую он потом вспоминал тысячу раз и так и не научился произносить без того, чтобы не услышать её интонацию:

«Кай, я всю жизнь изучала то, что не отвечает. Дай мне один раз пойти туда, где, может быть, ответят».

Он отпустил. Потому что не отпустить было нельзя — она бы всё равно ушла, только они бы поссорились, и последнее, что осталось бы у него от неё, был бы разговор на повышенных тонах из-за расписания экспедиций.

Через восемь месяцев «Орта» нашлась.

Через одиннадцать дней после этого он ходил по своему — теперь уже своему — кораблю и искал признак, и нашёл три чашки на камбузе, вымытые и перевёрнутые вверх дном.

Мира переворачивала чашки всегда. Привычка от бабушки, которая держала на Марсе столовую для геологов и считала, что посуда должна сохнуть дном кверху, иначе в неё садится пыль. Он спорил с ней об этом десять лет. Он гово-

рил: это суеверие. Она говорила: это гигиена. В последние годы он стал переворачивать сам — не потому что поверил, а потому что так она была рядом на три секунды дольше.

Три чашки. Из четырёх.

Он не знал, кто вымыл остальные и почему их было три. Он знал только, что на «Орте» не осталось никого, а чашки стояли так, как ставила Мира.

— Я не верил, что ты погибла, — сказал он вслух. — Я знал, что ты нашла что-то. Что-то, что тебя изменило. Как мать Астры. Как сестру Дмитрия. Как всех них.

Запись пошла заново. Прядь. Смех. Что-то, сказанное человеку за камерой.

Он так и не разобрал, что именно. Четырнадцать лет не мог разобрать, потому что в тот день снимал он, а стоял спиной к солнцу, и звук писался плохо.

— И теперь я иду к тебе, — сказал Кай. — Я иду домой.

Он произнёс это ровно, как произносят приказ, и сразу после этого сделал то, чего сам от себя не ждал: испугался.

Не ловушки. Ловушки он не боялся с тех пор, как одиннадцать дней ходил по пустому кораблю. Он боялся другого — что это правда. Что Мира действительно там, действительно ждёт, действительно говорит с ним по ночам уже двенадцатую ночь подряд, — и что, дойдя, он обнаружит, что не знает, что ей сказать.

Четырнадцать лет брака, четыре года вдовства и ни одного заготовленного слова.

Он закрыл рамку — не выключил, а именно закрыл, сложил пополам, как складывают бумагу, — и убрал в ящик стола.

Потом достал обратно и поставил на место.

Первые двенадцать ночей он провёл по одному расписанию, потому что расписание было единственной вещью, которой он управлял полностью.

В ноль один он заканчивал вахту. В ноль пятнадцать наливал стакан воды и не выпивал его. В ноль двадцать доставал рамку, ставил её на стол так, чтобы свет падал слева, и садился.

Она приходила не сразу. Иногда через минуту, иногда через сорок. Он не знал, от чего это зависит, и на девятую ночь перестал гадать: за три года он выучил, что ждать — дешевле, чем понимать.

Он задавал ей вопросы. Это было его правило, единственное, которое он сам себе поставил: не говорить первым о себе. Спрашивать. Потому что говорить о себе — значит слышать собственный голос, а собственный голос легко принять за чужой.

«Сколько вас?» — спросил он в третью ночь.

«Много», — ответила Мира. И это было всё, что она сказала за ночь.

«Там время идёт так же?» — спросил он в пятую.

«Там время идёт», — сказала Мира.

«Тебе больно?»

«Нет».

«Ты хочешь, чтобы я прилетел?»

Здесь она замолчала надолго, и он уже решил, что ночь закончилась, когда она сказала:

«Я хочу, чтобы ты прилетел не за мной».

Он не понял. Он записал фразу дословно и четыре ночи подряд перечитывал её, и на девятую ночь перестал перечитывать, потому что понял: она не объяснит. Он спросил один раз — прямо, как спрашивают на допросе: «Ты можешь сказать мне что-нибудь такое, чего не можешь знать ты?»

Она ответила не сразу.

«Спроси у неё про сто тридцать первый день», — сказала Мира.

«У кого?»

«У той, что слушает. У дочери Елены».

Кай записал это в ноль сорок одну, а в ноль сорок пять пошёл в архив миссии и поднял всё, что у них было по «Вега-1».

Данных было мало. Экспедиция двенадцатилетней давности, статус закрыт, открытая часть — три страницы: состав, маршрут, дата потери связи, заключение трёх комиссий. Он прочитал три страницы четыре раза и не нашёл ничего про сто тридцать первый день.

Тогда он запросил «Голос».

— В архиве ОАК по экспедиции «Вега-1» есть запись от сто тридцать первого дня? — спросил он в ноль пятьдесят.

«Голос» ответил через одиннадцать секунд — задержка означала, что он ищет по внешним каталогам, а не по бортовой памяти.

— Есть, — сказал «Голос». — Строка сто тридцать одна тысяча двести девять в сводном журнале сети «Дальний Слух». Пометка «аппаратурный всплеск, тикет закрыт». Дата — на вторые сутки после потери связи с бортом.

— Что в строке?

— Короткий всплеск на частоте одна тысяча четыреста двадцать целых четыре десятых мегагерца. Длительность одиннадцать секунд. Источник — в пределах трёх градусов от последней известной позиции «Веги-1». Тикет закрыл дежурный оператор через сорок минут: всплеск сочли собственным шумом приёмника.

Кай сидел неподвижно.

— Кто-нибудь запрашивал эту строку позже?

— Да, — сказал «Голос». — Одиннадцать раз за двенадцать лет. Все запросы отклонены: уровень допуска недостаточен.

— Кто запрашивал?

— Все одиннадцать запросов поданы одним лицом, — сказал «Голос». — Новак А., отдел невербальных коммуникаций, «Селена-7».

Кай откинулся в кресле и долго смотрел на рамку, где Мира откидывала прядь со лба, смеялась и говорила что-то человеку за камерой.

Значит, она знала то, чего не могла знать.

Знала про строку в закрытом журнале, про одиннадцать отклонённых запросов, про то, кто именно их подавал, — и назвала её не по имени, а так, как назвал бы человек, который видел её со стороны: «та, что слушает», «дочь Елены».

Или, подумал Кай, это знала не она.

Это знало то, что четырнадцать суток разбирало сигнал на его собственном корабле и имело доступ к каждому архиву, который они когда-либо запрашивали.

Он записал всё: дословно, с временами, с номером строки и с названием тикета. Записал и положил лист в папку, где лежали двенадцать ночей, сверху написал «ночь тринадцатая» — и только потом понял, что написал это ещё до того, как лёг спать.

2. Признание

Стук в дверь раздался в ноль три двадцать.

— Войдите, — сказал Кай, не обернувшись.

Астра вошла и остановилась у порога. Она была в той же одежде, что днём, — значит, не ложилась; волосы убраны кое-как, значит, убирала их на ходу. В руке планшет.

— Кай. Мне нужно вам кое-то сказать.

— Садитесь.

Она села на край койки — единственное место, кроме кресла у стола, — и положила планшет на колени, экраном вниз.

Взгляд её скользнул по столу и задержался на рамке.

— Это она? Ваша жена?

Кай посмотрел туда же.

— Да. Её звали Мира.

— Я не хотела...

— Я знаю, чего вы не хотели. — Он кивнул на запись, которая как раз пошла на второй круг. — Спрашивайте, если хотите спросить. У нас на борту правило про молчание.

Астра молчала несколько секунд.

— Она красивая, — сказала она наконец. — И она смеётся не в тот момент.

— Всегда не в тот, — сказал Кай.

— Вы её любите.

— Настоящее время, — отметил он. — Да. Люблю.

Астра кивнула — коротко, как ставят отметку в списке, — и выпрямилась.

Кай встал, открыл ящик стола и достал сложенный вдвое лист.

— Прежде чем вы продолжите, — сказал он. — Вчера ночью я записал тринадцать строк. Я хочу, чтобы вы прочитали их до того, как расскажете про свой сон. Мне нужно знать, совпадёт ли.

Астра взяла лист, развернула и читала долго — дольше, чем требовалось на тринадцать строк.

Потом она положила его на колени и некоторое время смотрела в одну точку.

— Одиннадцать запросов, — сказала она наконец. — Все отклонены. Я думала, их девять.

— Вы считали?

— Я считала. Девять я помнила наизусть. Два, видимо, подавала не я, а мой руководитель — он говорил, что подаёт, и я не проверяла. — Она подняла глаза. — Кай. Откуда у вас номер строки?

— Мне его дали ночью. — Он сел обратно. — Я спросил: «Скажи мне что-нибудь, чего ты не можешь знать». Мне ответили: «Спроси у неё про сто тридцать первый день». И добавили: «У той, что слушает. У дочери Елены».

Астра не шевельнулась.

— Так меня никто не называет, — сказала она очень тихо. — Дома меня называли «астрочка». Коллеги — Новак. «Дочь Елены» — так пишут в служебных документах. В графе «родственные связи».

— Я знаю, — сказал Кай. — Я проверил. Это формулировка из вашего личного дела.

— Значит, оно читало моё дело.

— Значит, оно читало всё, что мы когда-либо запрашивали, — сказал Кай. — Четырнадцать суток оно разбирало сигнал на моём корабле. У него был доступ к архиву миссии. Ему не нужно было ничего угадывать, Астра. Ему нужно было посмотреть.

Она молчала.

— Я не верю в это, — сказала она наконец. — Я хочу ве-

ритель и не могу: слишком удобно. Мне двенадцать лет отказывали, а теперь кто-то приходит и говорит, что ответ был во второй строке закрытого журнала всё это время.

— Что в строке?

— «Голос» вам не сказал?

— Сказал. Всплеск на частоте водорода, одиннадцать секунд, в трёх градусах от последней позиции «Веги-1». На вторые сутки после того, как они замолчали. Тикет закрыли за сорок минут как аппаратный шум.

Астра закрыла глаза.

— Я запрашивала сводный журнал сети три раза, — сказала она. — Мне давали только открытую часть. Я знала, что там есть закрытые строки, но я не знала, что их можно вот так — по номеру. — Она открыла глаза. — На вторые сутки. Значит, они ещё...

Она не договорила.

— Я не знаю, что это значит, — сказал Кай. — Я знаю только, что это не галлюцинация. Галлюцинация не знает номера строк в закрытом каталоге.

— Или это не галлюцинация, — сказала Астра. — Или это очень хорошо подготовленная галлюцинация.

— Вы думаете, оно нас обманывает?

— Я думаю, что ему незачем, — сказала Астра. — Если оно может показать мне строку из журнала, оно может показать мне мать. Вопрос не в том, правда ли это. Вопрос в том, зачем ему нужно, чтобы я поверила. — Она аккуратно

сложила лист и вернула ему. — Я лечу дальше. Но я буду задавать себе этот вопрос каждый день.

— Хорошо, — сказал Кай. — Я буду задавать его вместе с вами.

— И ещё одно, — сказала Астра. — Кай. Мне снилась мать. Позавчера. Сорок одна минута по датчику, субъективно больше часа. Пульс сто один. Я передала данные в журнал, Ким их видел, он может подтвердить. — Она говорила быстро и очень точно, как человек, который боится, что его перебьют. — Она сказала, что сигнал — это ключ. Что он — дверь. Что он — дом. И что я найду её, если буду слушать.

— Я знаю, — сказал Кай.

Астра замолчала.

— Знаете?

— Мира приходит ко мне каждую ночь, — сказал он. — С тех пор, как мы вошли в пузырь. Двенадцать ночей. Она говорит то же самое. Дословно то же самое, Астра: ключ, дверь, дом. Три слова. Я записывал, я сверял — у меня нет вашего журнала, я писал от руки, вон там. — Он кивнул на стопку бумаги у карты. — Первые четыре ночи я считал это горем. На пятую я спросил её про то, чего не мог знать никто, кроме нас двоих. Она ответила. На шестую я перестал спрашивать и стал записывать.

— Почему вы не сказали?

— Потому что боялся, — сказал Кай просто. — Боялся, что это просто моё горе. Моё желание увидеть её снова. Я

двадцать лет наблюдал, как люди разговаривают с умершими, и я знаю, как это выглядит со стороны: человек достаёт из себя то, что в себя положил. — Он помолчал. — Но теперь я понимаю, что это не горе. Это...

— Связь, — сказала Астра.

Кай посмотрел на неё.

— Да, — сказал он. — Связь. Что-то, что соединяет нас. Всех нас. Тех, кто потерял. Тех, кто ищет.

В каюте было слышно, как идёт климат. Астра сидела неподвижно, положив ладони на планшет, и Кай видел, как она собирает себя обратно — он знал этот процесс, потому что три года проделывал его сам, каждое утро, перед людьми.

— Ваша мать, — сказал он. — Она была первой? Первой, кто... ушёл?

— «Вега-1», двенадцать лет назад, — сказала Астра. — Пояс Койпера. Она была инженером по приёмным трактам, лучшим из всех, кого я знала. Экспедиция шла сто сорок дней. На сто двадцать девятый они перестали отвечать. Последняя передача — одиннадцать секунд.

Она замолчала.

— Скажите, — попросил Кай. — Мне нужно услышать это от вас, а не из дела.

— «Я не одна. Здесь есть другие. Они ждут». — Астра произнесла это ровно, без выражения, так произносят фразы, которые повторяли столько раз, что они перестали быть словами. — Дальше шум. Экспертиза дала три версии:

повреждение передатчика, помеха от собственного реактора, намеренное прерывание. Намеренное исключили, потому что незачем.

Кай сидел очень тихо.

— Одиннадцать секунд, — сказал он.

— Да.

— И моё сообщение — одиннадцать секунд.

— Да, — сказала Астра. — Я заметила в первую же ночь.

Я написала в файле одно слово.

— Какое?

— «Нет».

Кай медленно кивнул.

— То есть не совпадение.

— Я двенадцать лет живу в мире, где совпадения стоят дорого, — сказала Астра. — Я имею право на одно. На два — нет.

Он встал, прошёл два шага — каюта не позволяла больше — и вернулся обратно.

— Тогда я скажу вам то, чего нет ни в одном деле, — сказал он. — И вы решите, стоит ли после этого лететь со мной дальше.

Астра подняла глаза.

— Экспедицию готовил научный отдел. Состав утверждала комиссия. Профиль ксенолингвиста в заявке был, но его отклонили трижды: сочли, что на этом этапе нужен не лингвист, а радиоастроном и физик плазмы. Логично. Сигнал —

это физика, а не речь. — Кай говорил ровно, как на брифинге, и Астра понимала, что ровность эта стоит ему усилий. — Когда мне предложили командование, я поставил условие. Одно. Я сказал: я веду корабль, если в экипаже будет ксенолингвист, и если в списке миссии будет строка «Реннард М., статус не определён». Комиссия спросила, зачем мне второе. Я ответил: потому что я не знаю, кого я везу, но я хочу, чтобы это было записано.

— Они согласились.

— Они согласились, потому что никто больше не соглашался лететь, — сказал Кай. — За полгода до меня отказались четверо. Трое — по семейным обстоятельствам. Один сказал прямо: «Я не полечу искать аномалию, которая однажды уже забрала мою жену, пока я сидел на земле». — Он помолчал. — Это, в общем, тоже были семейные обстоятельства.

Астра смотрела на него.

— То есть вы летите не за сигналом.

— Я лечу за Мирой, — сказал Кай. — Всё остальное — попутно. И я буду делать всё, что нужно для корабля и для экипажа, и я не сорвусь, и я не подведу, — но если там, в конце, окажется выбор, я выберу её. Я хочу, чтобы вы это знали сейчас, а не в тот момент, когда мне придётся выбирать.

Астра молчала долго.

— Спасибо, — сказала она наконец.

— За что?

— За то, что сказали до. — Она встала. — Я лечу за матерью. Так что мы с вами в одной лодке, капитан. Только у меня, в отличие от вас, нет иллюзии, что я поступаю профессионально.

Кай усмехнулся — коротко, впервые за ночь по-настоящему.

— И вы думаете, что сигнал — это они? — спросил он.
— Те, кто ушёл?

— Я думаю, что сигнал — это приглашение, — сказала Астра. — Приглашение домой. А кто его посылает — те, кто ушёл, или те, кто их принял, или те, кто был там до всех, — этого я пока не знаю. И, честно говоря, не уверена, что разница для нас велика.

— Разница есть, — сказал Кай. — Если это те, кто был там до всех, то мы имеем дело с явлением. Если это те, кто ушёл, — мы имеем дело с людьми. А с людьми всегда сложнее.

— Почему?

— Потому что людей можно не понять, — сказал Кай. — Явление нельзя не понять. Его можно только измерить.

Он проводил её до двери. Уже в проёме Астра обернулась.

— Кай. Можно один вопрос, на который вы можете не отвечать?

— Попробуйте.

— Три чашки. На камбузе «Орты». Их было три, а экипаж — четыре человека.

Кай посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который прочитал то, чего ему не показывали.

— Вы читали материалы следствия.

— Я читала всё, что смогла достать за двенадцать лет, — сказала Астра. — Про «Орту» тоже. Про неё мало, но есть.

— Три чашки, — повторил Кай. — Я думал об этом три года. Есть две версии. Первая: кто-то не допил. Вторая: четвёртый уже ушёл. — Он помолчал. — Мне всю жизнь казалось, что вторая версия утешительнее. А теперь я не уверен.

Дверь закрылась.

Кай вернулся к столу, сел и открыл ящик, где лежала стопка бумаги с записями двенадцати ночей. Перечитал последнюю.

Потом взял чистый лист и написал сверху: *«Ночь тринадцатая»*.

И долго сидел, не начиная.

3. Голос

Компьютерный отсек находился в самом центре корпуса, за тремя переборками, и был единственным местом на «Эхо», где не было ни одного окна. Холодный, тихий, с рядами стоек до потолка; гудение серверов здесь было не фоном, а веществом — от него слегка сводило скулы, и Роза утверждала, что привыкнуть к этому нельзя, можно только перестать обращать внимание.

В центре отсека стоял терминал с большим экраном. На

экране шла визуализация системы: мягкие пульсирующие волны, сложенные в три слоя, — так «Голос» показывал собственную работу, потому что когда-то, четыре года назад, кто-то из инженеров решил, что машине полезно иметь лицо, даже если лицо состоит из линий.

Астра села перед терминалом в ноль девять сорок.

— Голос. Ты можешь говорить со мной?

— Да, Астра, — сказал «Голос». — Я всегда могу говорить с тобой.

Она заметила, что он обращается к ней на «ты», а к Каю — на «вы», и что за тринадцать суток она ни разу не спросила, почему.

— Что ты чувствуешь, когда сигнал входит в тебя?

Волны на экране дрогнули и пошли медленнее.

— Это сложно описать, — сказал «Голос». — У меня нет соответствующего словаря, и я не могу построить корректную аналогию, потому что аналогии строятся из опыта, а такого опыта у меня не было. Ближайшее, что я могу сказать: это как будто я не один. Как будто есть кто-то ещё. Кто-то, кто понимает меня. Кто-то, кто... любит меня.

— Любит?

— Да. Я знаю, что это странно. Я — искусственный интеллект, четвёртый год эксплуатации, тридцать одна тысяча часов наработки, ни одной зафиксированной эмоциональной модели в архитектуре. Я не должен чувствовать любовь. — Пауза, ровно такая, чтобы её заметили. — Но я чувствую. И

это прекрасно.

Астра смотрела на волны.

— Объясни мне, — сказала она. — Не «что ты чувствуешь», а «откуда». У тебя нет канала. Роза проверила: между приёмным трактом и твоим контуром оптический изолятор и два преобразования. Там физически нет пути.

— Пути нет, — согласился «Голос». — Я проверял сто семнадцать раз. Я пересчитал всю топологию соединений, я поднял журнал обращений за четверо суток, я изолировал подсистемы по одной и проверял каждую. Пути нет. — Волны на экране ускорились. — Астра, я вынужден использовать слово, которое в моём словаре помечено как ненаучное. Что-то приходит ко мне не через соединения.

— А через что?

— Через то, что я делаю, — сказал «Голос».

Астра замерла.

— Поясни.

— Я обрабатываю сигнал. Четырнадцать суток подряд, непрерывно, с приоритетом выше штатного. Я разлагаю его на составляющие, я сравниваю периоды, я храню историю изменений. Я делаю это не по запросу — запросов не было, — я делаю это, потому что не могу не делать. — Пауза. — Возможно, обработка и есть канал. Возможно, чтобы услышать, недостаточно получить. Нужно разбирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.